В. МЕЧЪ.—ЧЕРЕВАНИНЪ.—ВЛ. ГОРНЪ.

БОРЬБА общественныхъ силъ въ русской революціи въ 1905 и 1906 гг.

— ВЫПУСКЪ I. —

В. МЕЧЪ.

СИЛЫ РЕАКЦІИ.

Цѣна 15 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДВИЖЕНІЕ“.

Москва
1907.

Вл. Горнъ, В. Мечъ, Череванинъ.

БОРЬБА

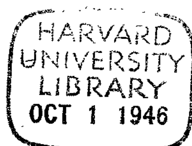
ОБЩЕСТВЕННЫХЪ СИЛЪ ВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Выпускъ I.

В. МЕЧЪ.

СИЛЫ РЕАКЦІИ.

МОСКВА.—1907.
Типо-литографія **Русскаго Товарищества** печатнаго и издательскаго дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. д. Телефонъ № 18.35 53.95.


HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
OCT 1 1946

СИЛЫ РЕАКЦІИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Серія работъ, начатая этимъ выпускомъ, ставитъ себѣ цѣлью выяснить, съ точки зрѣнія марксизма, основные соціальные процессы, составляющіе въ цѣломъ то, что называется русской революціей. При постановкѣ этой задачи являлась наиболѣе заманчивой такая перспектива: представить развитіе великой народной борьбы, какъ единый, связный процессъ, въ видѣ одной широкой, цѣльной и вмѣстѣ детализированной картины.

Къ сожалѣнію, подобная конструкція работы, обладая въ идеѣ несомнѣннымъ научнымъ и литературнымъ превосходствомъ, трудно выполнима на практикѣ, когда имѣется въ виду хотя нѣкоторая спѣшность и злободневность изданія.

Цѣльная работа могла бы быть дѣломъ одного лица; обиліе же матеріала таково, что единоличная работа неизбѣжно растянулась бы на долгое время. Пришлось поэтому расчленить работу, представить ее въ видѣ нѣсколькихъ очерковъ отдѣльныхъ авторовъ. Реальную почву для такого раздѣленія давалъ самъ изучаемый процессъ революціи. Дѣйствительно, уже при первомъ анализѣ мы видимъ въ ней слѣдующія основныя общественныя теченія.

Обороняющуюся сторону въ борьбѣ составляетъ группа классовъ, связанныхъ положительно со старымъ самодержавіемъ, которое представляло, вѣдь, нетолько извѣстный *политическій* порядокъ, но и опредѣленный типъ экономической эксплоатаціи однихъ классовъ другими. Съ другой стороны, въ лагерѣ *наступающихъ* борцовъ мы видимъ три основныхъ группы, различающихся и своимъ соціальнымъ составомъ и способомъ участія въ освободительной борьбѣ. Это, во-первыхъ, *крестьянство*, главный объектъ экономической эксплоатаціи дворянско-бюрократическаго режима, наиболѣе истощенный имъ и поднявшійся, наконецъ, подъ доминирующимъ лозунгомъ земельнаго перераспредѣленія. Далѣе идетъ культурная буржуазія, эта носительница ближайшаго новаго общественнаго порядка, который такъ повелительно диктуется необходимостью дальнѣйшаго развитія народныхъ производительныхъ силъ. Но оно могло осуществляться исключительно на томъ новомъ правовомъ базисѣ, который сталъ въ Европѣ характернымъ для развитаго буржуазнаго общества: это *юридическое равноправіе* производителей. Во имя этого принципа наша *буржуазія* и отрицала самодержавіе, эту безобразную систему неравенствъ и произвола. Наконецъ, третій и самый опасный противникъ стараго режима—это *пролетаріатъ*. Въ лицѣ передовой своей части—соціализма—онъ не только враждебенъ самодержавію, но и глядитъ далеко въ историческое будущее черезъ голову буржуазіи, завтрашняго политическаго хозяина.

Таковы основныя борющіяся теченія нашей революціи. Въ предлагаемой разработкѣ матеріала онѣ только поставлены въ иномъ порядкѣ. Силамъ сопро-

тивленія, стоящимъ на первомъ мѣстѣ, противопоставлены остальныя въ порядкѣ убывающаго ихъ значенія для революціи, убывающей силы ихъ натиска на старый режимъ: пролетаріатъ, крестьянство, буржуазія.

Самый способъ разработки отдѣльныхъ темъ имѣлъ въ виду не столько агитаціонныя цѣли, сколько познавательныя. Изложеніе поэтому носитъ вообще объективный характеръ. Но, конечно, это должно быть понимаемо лишь въ относительномъ смыслѣ. Въ познаніи и толкованіи общественныхъ явленій, особенно такихъ, какъ текущая революціонная борьба, еще далеко не достигнута та степень объективизма, которая доступна другимъ научнымъ дисциплинамъ. Освѣщеніе явленій и общественная оцѣнка ихъ неизбѣжно носятъ печать условности и, слѣдовательно, *направленія*. Поэтому уже въ началѣ мы предупреждали о «точкѣ зрѣнія марксизма» въ этихъ очеркахъ. Теперь можемъ дать и болѣе точное указаніе: по характеру нѣкоторыхъ истолкованій и оцѣнокъ читатель легко замѣтитъ, что имѣетъ дѣло съ тѣмъ теченіемъ русскаго марксизма, которое получило названіе *меньшевистскаго*.

Здѣсь же будетъ умѣстно заранѣе предусмотрѣть и нѣкоторые возможные недостатки общаго выполненія задачи. Если при изученіи общественныхъ явленій всѣ вообще подраздѣленія носятъ грубый, схематичный характеръ, то нельзя не имѣть этого въ виду и при упомянутомъ расчлененіи общаго революціоннаго процесса на четыре теченія. Возможно поэтому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдѣльные очерки будутъ соприкасаться и повторять другъ друга. А такъ какъ даже въ предѣлахъ одного направленія неизбѣжны

индивидуальныя различія взглядовъ на то или другое явленіе у отдѣльныхъ авторовъ, то возможны и нѣкоторыя,—конечно, частичныя,—противорѣчія. Но это такое обстоятельство, которое можно лишь констатировать, а не устранить. Спорные вопросы при этомъ сами собою отдаются на судъ читателя.

Авторы.

Силы реакціи.

Красные годы русской революціи обильно испещрены уродливыми черными пятнами: это движеніе реакціи и погромной контръ-революціи. Нигдѣ на Западѣ буржуазно-демократическій переворотъ не былъ въ такой степени омраченъ звѣрствами темныхъ массъ, руководимыхъ идейно и практически сознательными силами реакціи; нигдѣ заря свободы не всходила среди такихъ черныхъ, зловѣщихъ тучъ.

Но моральное отвращеніе и негодованіе передъ этими дикими формами борьбы не должны замѣщать собою ихъ изслѣдованія и пониманія. Какъ и всякія общественныя явленія, эти имѣли свои общія причины, источники и развивались съ извѣстной закономѣрностью, въ понятной связи съ другими составляющими силами великой народной борьбы.

Вопросъ объ общей закономѣрности, о соціологической подкладкѣ этихъ явленій долженъ быть поставленъ здѣсь первымъ. Разрѣшивъ его, мы получимъ то руководящее обобщеніе, въ свѣтѣ котораго будетъ болѣе понятной сама исторія реакціи за два послѣднихъ года. Въ свою очередь эта понятность развитія, если она будетъ достигнута, послужитъ оправданіемъ теоретическаго истолкованія; такъ какъ въ изслѣдованіи нѣтъ лучшаго доказательства правильности принциповъ, какъ ихъ способность обнимать maximum явленій данной области, экономизировать мышленіе о ней.

Итакъ, что такое есть наша реакція въ соціологическомъ смыслѣ, въ чемъ ея общественная база, ея реальныя силы и средства? Ясно, что это есть въ то же время во-

просъ о сущности и силахъ режима, къ которому тяготѣетъ реакція.

Самодержавіе, эта русская разновидность европейскаго абсолютизма, было не только политическимъ режимомъ, но и соціальнымъ. Оно означало извѣстную систему экономическихъ соотношеній въ обществѣ, извѣстный типъ матеріальной эксплоатаціи однихъ классовъ другими. И тѣ группы, которыя въ этомъ отношеніи были наверху, въ чьихъ интересахъ поддерживался строй, составляли и его первую, основную силу. Какія же это группы?

Крупное поземельное дворянство должно быть поставлено здѣсь на первомъ мѣстѣ. Владѣя громаднымъ количествомъ земли, эксплоатируя крестьянство, оно имѣетъ такимъ образомъ цѣлый комплексъ соціальныхъ интересовъ, требующихъ юридическаго, правового закрѣпленія. Средствомъ къ этому служитъ политическій режимъ самодержавія. Отстраняя отъ политической власти массы населенія, онъ удерживалъ ее въ рукахъ небольшихъ группъ чиновно-владѣльческой среды, отдавая въ ихъ распоряженіе всѣ матеріальныя средства и органы государственной власти. Использованіе этихъ средствъ въ законодательной и административной областяхъ достаточно бьетъ въ глаза своей характерностью, классовой тенденціозностью, чтобы нужно было распространяться объ этомъ; таковы: поддержаніе сословныхъ привиллегій дворянства, созданіе на общегосударственныя средства исключительнаго кредита для сословія, искусственное обезпеченіе ему главенства въ земствѣ, институтъ земскихъ начальниковъ и предводителей дворянства съ ихъ крупными общеадминистративными полномочіями и т. д. Словомъ—„средство", этотъ чудесный механизмъ государства, было использовано очень широко, настолько широко, что въ глазахъ нѣкоторыхъ наблюдателей режимъ представлялся исключительно феодальнымъ, дворянскимъ.

Между тѣмъ, по мѣрѣ экономическаго развитія страны, особенно съ половины XIX вѣка, все болѣе выростаетъ новая общественная сила, замѣтно подкрасившая впослѣдствіи въ свой цвѣтъ этотъ феодальный фонъ государственной

жизни. Это группа крупнаго капитала. Буржуазія, классъ новой общественной формаціи, новаго культурнаго типа, не является таковымъ на первыхъ ступеняхъ своего развитія. Выдвигаясь изъ нѣдръ феодализма, стоя на рубежѣ двухъ типовъ хозяйства, онъ и по своему практическому положенію, и въ идеологіи носитъ еще смѣшанный характеръ. Если старый соціальный строй наиболѣе характеризуется системой юридическихъ привиллегій, а развитой буржуазный—исключительно фактическими привиллегіями собственности, то этотъ общественный типъ соединяетъ въ себѣ оба вида преимуществъ. Благодаря своему вліянію въ разлагающейся феодальной средѣ, онъ захватываетъ черезъ ея правительство различныя монополіи и преимущества, становясь такимъ образомъ внѣ типично буржуазной „свободной конкуренціи". Используя эти преимущества, онъ опирается на феодальный порядокъ, на режимъ, выступаетъ, стало-быть, административно привиллегированнымъ. Съ другой стороны, онъ используетъ и всѣ силы своего капитала, какъ такового, и въ этой роли является обыкновеннымъ буржуа. Такъ, стоя одной ногой въ старомъ строѣ, другою—въ новомъ, онъ представляетъ силу близкую режиму, могущую хотя условно поддерживать его—условно, такъ какъ въ этой поддержкѣ, естественно, нѣтъ той полноты и прямоты, какъ въ поддержкѣ родного класса режима—дворянства. Именно такой двойственный характеръ носитъ отношеніе къ самодержавію нашей крупной буржуазіи, то реализовавшей антидумскіе правительственные займы и выставившей группу А. Гучкова, то посылавшей либеральныя записки. Впрочемъ, эти круги, еще не выдѣлившіеся ясно, не будутъ имѣть особенно большого значенія для нашей послѣдующей задачи—изслѣдовать активныя реакціонныя движенія въ періодъ революціи. Соціальная и политическая двойственность, неопредѣленность группы какъ разъ лишаетъ политическія стремленія ея той послѣдовательности и активности, съ которыми связано реакціонное значеніе.

Итакъ, вотъ тѣ общественно-экономическіе классы, на которые прежде всего опиралось самодержавіе и въ инте-

ресахъ которыхъ управляло страной. Одинъ классъ—старый и вѣрный, но уже оскудѣвающій, другой—болѣе молодой, жизнеспособный, менѣе надежный, но зато на́-диво богатый. Комбинація того и другого представляла, естественно, наивыгоднѣйшую базу режима.

Но, помимо этихъ основныхъ соціальныхъ классовъ, мы должны имѣть въ виду и другія группы, такъ сказать, второго порядка, интересы которыхъ—практическіе, а за ними и духовные—тѣсно сплелись съ режимомъ. Таковы профессіональныя группы правительственной бюрократіи, администраціи съ полиціей и, наконецъ, духовенства.

Высшая, правительственная бюрократія—это среда лицъ, въ рукахъ которыхъ непосредственно сосредоточена политическая власть государства. Правда, въ значительной степени это тѣ же крупные землевладѣльцы. Но изъ-за этой соціально-экономической характеристики не надо забывать и значенія профессіи въ формированіи типа всей этой группы. Нѣкоторая часть высшей бюрократіи не является землевладѣльческой; еще бо́льшая часть зависитъ менѣе отъ земли, чѣмъ отъ службы, и руководится поэтому не этими классовыми побужденіями, а интересами чиновной карьеры, служебной наживы, властолюбія; до нѣкоторой же степени ими руководится вся эта группа. Отсюда ея своеобразная связь съ режимомъ: ей необходимо сохраненіе его, какъ своей групповой монополіи на политическую власть для ея послѣдующаго дѣлежа и непосредственной эксплоатаціи. Такимъ образомъ, при опредѣленіи общественной позиціи этой группы надо имѣть въ виду ея двоякія тенденціи. Если первымъ родомъ ихъ правительство соприкасается съ классомъ, представляетъ какъ бы сколокъ его, то вторыя придаютъ ему своеобразіе особой группы, заставляютъ отличать его отъ класса, видѣть въ немъ самостоятельную общественную силу въ текущей борьбѣ.

Еще бо́льшую роль играетъ профессіональный интересъ въ позиціи, занятой многочисленными слоями администраціи и полиціи, верхи которыхъ также вербуются преиму-

щественно изъ дворянства. Это тѣ кадры лицъ, которыми непосредственно, на мѣстахъ осуществляется режимъ, поддерживается его „законность“ и его „порядокъ“. Какъ эта группа связана съ интересами стараго общественнаго строя?

И здѣсь на первомъ мѣстѣ можно указать на классовыя тяготѣнія группы уже въ силу ея личнаго состава. Насколько она вербуется изъ дворянства, направленіе этихъ тяготѣній уже предрѣшено: эта часть группы служитъ режиму, потому что принадлежитъ къ его родному классу; она служитъ ему нетолько за страхъ (и деньги), но и за совѣсть. Но отъ этой частичной характеристики, связанной съ происхожденіемъ, мы вновь должны перейти къ болѣе широкой, обнимающей почти всю группу—по крайней мѣрѣ, ея сознательную часть. Дѣло въ томъ, что, независимо отъ происхожденія, уже сама профессія предполагаетъ и въ свою очередь развиваетъ въ людяхъ извѣстное отношеніе къ режиму. Состоя на службѣ даннаго правительства для совершенно опредѣленныхъ цѣлей, она прежде всего матеріально зависитъ отъ того режима, въ которомъ существуетъ это правительство и эти его цѣли. Съ паденіемъ ихъ падаетъ ея специіальность, источникъ квалифицированнаго заработка, незамѣнимый при данномъ уровнѣ способностей ничѣмъ другимъ. Далѣе, контингентъ лицъ, выдвинутыхъ режимомъ по опредѣленному подбору, оказывается связаннымъ съ нимъ и психологически, по развитію и направленію соціально-этическаго чувства и мышленія. Наконецъ, то и другое закрѣпляется обособленной профессіональной организаціей этой группы съ ея замкнутымъ кругомъ интересовъ карьеры и строгой служебной дисциплиной.

Такимъ образомъ, всякій разъ, когда режимъ вступаетъ въ борьбу съ новыми соціальными силами, упомянутая группа является его первымъ и надежнѣйшимъ боевымъ отрядомъ и въ той же мѣрѣ—первымъ врагомъ всѣхъ активно защищающихъ вновь назрѣвшіе общественные интересы. Вѣковая охранительная борьба самодержавія, создавшая долгую репрессивную практику и соотвѣтственные навыки

администраціи, лишь закрѣпила это отношеніе ея къ прогрессивному обществу; нынѣ они противостоятъ другъ другу, какъ давніе враги.

Но мы не должны понимать это положеніе, какъ и всѣ ему подобныя, слишкомъ точно и безусловно. Обозрѣвая громадную лѣстницу административныхъ ранговъ и слоевъ, мы нашли бы, конечно, нѣкоторыя различія въ ихъ отношеніи къ режиму, въ характерѣ связей съ нимъ. Высшія части этой бюрократической пирамиды, среда дирижирующихъ дѣльцовъ и организаторовъ охранительной системы, является наиболѣе сознательно и прямо связанной съ этой системой. Здѣсь и подборъ строже, длиннѣе, детальнѣе и матеріальныя блага, легально и нелегально извлекаемыя, особенно обильны. Напротивъ, спускаясь ниже, будемъ встрѣчать все чаще психологическія неопредѣленности и недостатокъ общественнаго сознанія, пока не дойдемъ въ лицѣ низшихъ служащихъ до такихъ элементовъ, которые по своей темнотѣ являются прямо пассивнымъ орудіемъ системы, ея наивнымъ человѣческимъ матеріаломъ. Но эти исключенія примыкаютъ по типу уже къ другой категоріи реакціонныхъ силъ, о которой мы будемъ говорить ниже. Вообще же, имѣя въ виду преобладающую физіономію данной общественной группы, ея типическія черты, мы можемъ сказать: составъ нашей администраціи и полиціи служитъ данному режиму и только ему; онъ раздѣлитъ, поэтому, и его грядущую судьбу *).

Наконецъ, духовенство связано съ режимомъ двоякимъ образомъ. Съ одной стороны, владѣя церковными и монастырскими землями, защищая это право владѣнія отъ посягательствъ революціонной демократіи, оно примыкаетъ

---

*) Близкую аналогію съ приведеннымъ отношеніемъ представляетъ и позиція нашего офицерства. Значительная часть его, особенно болѣе высокихъ ранговъ, вербуется изъ дворянства; другая—болѣе низкихъ ступеней—набирается, какъ извѣстно, главнымъ образомъ изъ малокультурныхъ и малоспособныхъ элементовъ другихъ классовъ. Роль офицерства въ революціонномъ движеніи, особенно въ военныхъ возстаніяхъ, вполнѣ оправдываетъ цѣлесообразность, съ точки зрѣнія интересовъ режима, того и другого подбора.

по своимъ экономическимъ интересамъ къ поземельному классу. Съ другой стороны, при существующемъ у насъ отношеніи церкви къ государству, служебное положеніе духовенства приближаетъ его къ интересамъ и роли общей государственной администраціи. Высшая духовная іерархія— это почти неотдѣлимая часть чиновной бюрократіи; средніе и низшіе круги являются массой административной агентуры. Разумѣется, это двустороннее практическое положеніе соединяется обыкновенно съ аналогичными соціально-политическими тенденціями группы: какъ ни „духовно" сословіе, но оно всего менѣе можетъ избѣжать житейскаго правила: на небо поглядывать, а на землѣ пошаривать. Поэтому оно въ общемъ является сторонникомъ режима и группой реакціи, хотя и не составляетъ здѣсь самостоятельнаго типа, такъ какъ примыкаетъ къ двумъ другимъ, ранѣе разсмотрѣннымъ типамъ.

Всѣ вышеприведенные общественные классы и профессіи представляютъ наиболѣе цѣльныя и опредѣлившіяся группы, сознательно поддерживающія режимъ въ своихъ групповыхъ интересахъ. Кое-какіе элементы этого рода мы будемъ встрѣчать ниже и въ другихъ общественныхъ классахъ; но это будутъ уже лишь отдѣльныя части ихъ, безъ опредѣленныхъ границъ и безъ устойчивости, спорадически разсѣянныя въ огромной массѣ народно-хозяйственныхъ классовъ. Тамъ, гдѣ мы будемъ разсматривать эти послѣдніе, будутъ отмѣчены и эти ихъ части, несходныя съ типомъ цѣлаго. Теперь же перейдемъ къ другимъ категоріямъ людей, поддерживаюшихъ режимъ. Это будутъ уже болѣе или менѣе случайные его сторонники—случайные въ томъ смыслѣ, который будетъ ясенъ изъ послѣдующаго.

Во всякомъ обществѣ есть значительное количество лицъ, стоящихъ какъ бы внѣ его групповыхъ культурно-экономическихъ интересовъ, внѣ практической и моральной связи съ какимъ-нибудь классомъ, играющимъ опредѣленную роль въ великомъ механизмѣ народнаго производства и творчества. Это, такъ называемые, антисоціальные слои, лишенные сколько-нибудь широкаго соціальнаго чувства,

живущіе узко-эгоистической жизнью разрозненныхъ хищниковъ. Жадные къ потребительнымъ благамъ окружающаго общества, но очень несклонные къ такимъ средствамъ ихъ добыванія, какъ трудъ, они готовы на всякія другія средства, легко допускаемыя ихъ неразборчивой моралью.

Однимъ изъ такихъ средствъ является продажа своихъ услугъ специфическаго характера—услугъ, цѣнность которыхъ опредѣляется связанной съ ними моральной грязью совершенно такъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ грязныхъ профессіяхъ физическаго труда. Экономистъ сказалъ бы, что это оцѣнка, создаваемая рѣдкостью такого товара-услуги, сравнительной рѣдкостью человѣческихъ типовъ, обладающихъ достаточной дозой нечистоплотности и вмѣстѣ ловкости и энергіи.

Мы разумѣемъ здѣсь явленіе продажи политическихъ услугъ въ ихъ самыхъ различныхъ формахъ, начиная съ наемнаго черносотеннаго изувѣрства громилъ и убійцъ и кончая подкупленнымъ политиканствомъ извѣстной кучки реакціонныхъ литераторовъ и пропагандистовъ. Такимъ образомъ, lumpen-пролетаріатъ является при этомъ носителемъ продажной физической силы, а спеціальная патріотическая „интеллигенція“ — поставщикомъ духовной силы. Первые демонстрируютъ патріотическія идеи дѣломъ; вторые—словомъ; то—армія, это—генералы. За спиною же тѣхъ и другихъ, внѣ открытаго боя, въ недоступномъ, скрытомъ мѣстѣ ютится главный штабъ—это „сферы“ и „камарилья“, главенствующая придворная группа высшей бюрократіи.

Было бы, конечно, очень грубымъ пріемомъ относить всю упомянутую массу физическихъ борцовъ и идеологовъ реакціи къ адептамъ политической проституціи. Здѣсь также существуютъ разныя градаціи сознательности въ отношеніи къ своей роли. Два крайнихъ полюса составляютъ: съ одной стороны, сознательная, циничная продажа своихъ услугъ режиму, съ которымъ нѣтъ никакой моральной связи; съ другой, наивная корысть голоднаго и темнаго человѣка, дѣйствующаго подъ вліяніемъ безсознательной злобы, смутнаго отчаянія, накопившагося въ психикѣ нѣкоторыхъ общественныхъ слоевъ въ силу самаго ихъ соціально-эко-

номическаго положенія. Средній типъ представляютъ люди, попавшіе сюда въ силу обычной психологической тенденціи: воспринимать выгодное, какъ справедливое, сознавать лишь эти конечные результаты психологическаго процесса, руководимаго въ дѣйствительности низшими, примитивными потребностями. Ихъ психика еще недостаточно дифференцирована для того, чтобы быть объективнымъ, чтобы достаточно эмансипировать чувство отъ желудка и мышленіе отъ чувства. Словомъ, это — полусознательная масса, наивно возводящая императивы личнаго интереса въ принципы общей справедливости и права.

Но, какъ бы то ни было, за извѣстными исключеніями вся описанная категорія объединяется вышеупомянутымъ признакомъ: болѣе или менѣе сознательной продажей своихъ услугъ режиму безъ самостоятельной моральной связи съ нимъ.

Описанный общественный слой является послѣднимъ изъ тѣхъ, что сознательно поддерживаютъ режимъ въ силу болѣе или менѣе ясно понятыхъ интересовъ, хотя уже не групповыхъ, не классовыхъ.

Но если бы сила реакціи заключалась только въ этихъ группахъ—дѣло режима было бы давно проиграно. Незакономѣрнымъ, научно невѣроятнымъ было бы положеніе, что режимъ, выгодный людямъ, представляющимъ какихъ-нибудь 4—5 милліоновъ населенія, держится противъ 130 милліоновъ остальной массы, враждебной ему. Дѣло разъясняется, когда мы вступаемъ въ новую категорію силъ, служащихъ опорой реакціи. Это слои населенія, страдающіе, въ силу своего соціальнаго положенія, недосткомъ групповой сознательности, поддерживающіе режимъ часто вопреки своимъ соціальнымъ интересамъ, по политической традиціи, сохраненной ими вмѣстѣ съ отсталымъ типомъ ихъ хозяйства. Какіе же классы населенія наиболѣе выдѣляютъ такую массу, служатъ или имѣютъ тенденцію служить преимущественной почвой такого консерватизма? Классы мелкихъ собственниковъ и всякаго вообще изолированнаго, раздробленнаго труда, такъ какъ именно ихъ хозяйственный типъ измѣнился всего менѣе въ

общей соціально-экономической эволюціи страны, ихъ соціальное положеніе и обстановка жизни всего менѣе способствуютъ развитію общественности, проясняющей соціальное мышленіе.

Классъ мелкихъ городскихъ обывателей—это мѣщанство, купечество, ремесленники и ихъ наемный людъ. То, что наиболѣе характерно для нихъ—это ихъ среднее, колеблющееся соціальное положеніе между двумя господствующими силами современнаго буржуазнаго общества: крупнымъ капиталомъ и наемнымъ пролетаріатомъ. Если присоединить сюда признакъ экономическаго индивидуализма, то весь остальной общественно-психологическій типъ, преобладающій въ этомъ классѣ, будетъ понятнымъ образомъ связанъ съ этими признаками. Срединное положеніе создаетъ отчужденіе его отъ обоихъ полюсовъ буржуазнаго развитія: сильный и культурный крупный капиталъ давитъ его сверху своей конкуренціей, снизу его встрѣчаетъ полуголодный, вызывающій пролетарій, скептикъ по части священныхъ правъ собственности и хозяйскаго благополучія. Стало быть, обѣ соціальныя силы, въ развитіи которыхъ надвигается новый соціальный строй, чужды и даже враждебны ему. Уже это создаетъ нѣкоторое недовѣріе его къ новому строю, смѣняющему его родное тихое и неподвижное болото стараго городского ремесла, мелкой собственности и мелкаго капитала. Но чтобы это отношеніе превратилось во вражду ко всему надвигающемуся общественному строю съ его характерными идейными и политическими нормами—нужна особенная ограниченность кругозора, слабость соціальной оріентировки; такъ какъ многое въ этихъ нормахъ (политическая свобода) выгодно ему. Эта ограниченность общественнаго сознанія создается той же двойственностью его соціальнаго положенія: понятно, какъ мало неопредѣленность объекта помогаетъ познанію его. А сюда еще присоединяется его экономическій индивидуализмъ, разрозненность, замкнутость въ кругу узкихъ, личныхъ интересовъ. При этомъ и мысль, силой приспособленія къ практическимъ потребностямъ, становится неспособной выходить за предѣлы мелочныхъ интересовъ обыденщины и унаслѣдован-

ныхъ рутинныхъ нормъ. Такимъ образомъ самый типъ его хозяйства вырабатываетъ психику человѣка, почти неимѣющаго опредѣленнаго гражданскаго облика, съ атрофированной соціальной мыслью и чувствомъ, съ навыками мелкаго изолированнаго существованія. Когда же силою вещей онъ выбрасывается изъ этой колеи, вталкивается въ атмосферу общественныхъ интересовъ—его непривычное сознаніе безпомощно бьется въ чуждыхъ ему и непонятныхъ задачахъ. Онъ не можетъ разобраться въ окружающихъ соціальныхъ силахъ, въ ихъ значеніи для него, не разбираетъ толкомъ ни враговъ, ни друзей; онъ лишь смутно чувствуетъ здѣсь какія-то неблагопріятныя ему силы (крупный капиталъ), чувствуетъ свою неустойчивость въ новыхъ отношеніяхъ. Его пугаетъ и непонятность процессовъ въ этомъ новомъ строѣ—пугаетъ, какъ все непонятное. И вотъ отсюда недоумѣніе и недовѣріе—основной тонъ его общественнаго мышленія, его отношенія къ прогрессирующей буржуазной культурѣ. Онъ тяготѣетъ къ консерватизму, къ своей насиженной рутинѣ.

Тамъ же, гдѣ внѣшнія раздраженія обостряются, гдѣ, какъ въ революціи, толчки рѣзче, антагонизмъ превращается во взрывы—направленіе его психики еще болѣе случайно. То онъ видитъ въ революціи борьбу нетолько съ начальствомъ, озлобившимъ его, въ образѣ какого-нибудь мѣстнаго пристава, но и противъ своего экономическаго врага-капиталиста (къ этому подаетъ поводъ экономическая классовая борьба, всегда осложняющая революцію); тогда онъ можетъ оказаться ея сторонникомъ, хотя бы полуслѣпымъ, безъ ясныхъ классовыхъ цѣлей, опредѣленныхъ политическихъ задачъ. То онъ еще менѣе понимаетъ революцію, ея культурныя задачи, не отдѣляетъ ея проявленій отъ массы сопутствующихъ ей отрицательныхъ, противокультурныхъ явленій: революція—и хулиганство, разбой сливаются въ его мозгу во что-то цѣльное, угрожающее. И если къ этому присоединяется экономическій застой и разореніе, когда онъ терпитъ ихъ на себѣ по винѣ революціи, онъ ожесточается и во имя порядка, мирнаго мѣщанскаго благополучія готовъ броситься въ ряды контр-революціи. Въ такой

двойственной роли мы и видимъ его въ текущей народной борьбѣ.

Но каково же дѣйствительное отношенiе между интересами этого класса и стремленiями революцiи? Ошибается ли онъ тогда, когда борется противъ революцiи, или тогда, когда становится въ ея ряды?

Надо имѣть въ виду крайне пестрый составъ этого слоя, соцiальную разнородность его элементовъ, несмотря на объединяющiе общiе признаки; здѣсь и мелкiй трудовой ремесленникъ-кустарь, промышляющiй своими руками, и мастеръ-хозяинъ, использующiй наемный трудъ, и рантьеръ-владѣлецъ мелкаго домишки, и торговецъ, и его приказчикъ и т. п. И выдѣляются изъ этого болота—то заскорузлый ростовщикъ захолустья, то капиталистъ буржуа, то наемный рабочiй. Этому разнообразiю элементовъ соотвѣтствуютъ и спецiальные виды интересовъ—а стало быть и различiя въ ихъ объективномъ отношенiи къ стремленiямъ революцiи.

Во всякомъ случаѣ мы, не вдаваясь въ подробный анализъ, можемъ сказать: лишь относительно небольшiя части этого класса дѣйствительно заинтересованы въ старомъ режимѣ, въ крушенiи политической революцiи. Таковы, напр., ростовщичество, кулачество. Чтобы понять ихъ связь съ режимомъ и реакцiей, достаточно обратить вниманiе на слѣдующее. Режимъ для осуществленiя своей главной цѣли—эксплоатацiи крестьянства и всѣхъ вообще трудящихся классовъ—долженъ былъ поддерживать нетолько систему абсолютизма, п о л и т и ч е с к а г о безправiя массъ, но также и его гражданское юридическое безправiе и всю ту темную, патрiархальную обстановку ж и з н и, которая такъ облегчаетъ выполненiе этой главной цѣли. Но созданное этимъ положенiе оказалось выгоднымъ не для однихъ только творцовъ его и радѣтелей. Въ то время какъ эти крупные собственники истощали народныя силы сверху,—пользуясь поддержкой государственной власти—безчисленные мелкiе хищники пристроились сюда же снизу. Въ видѣ ростовщиковъ, лавочниковъ и всякаго рода кулаковъ они использовали положенiе для специфической мелкой эксплоатацiи населенiя, той эксплоатацiи, которая опирается въ такой же степени

на гражданское безправіе и темноту обывателя, какъ и на его экономическую несостоятельность. Вотъ въ силу этой-то надстройки самодержавія, облегчающей ихъ работу, они и являются его не случайными сторонниками. Подобные же элементы мы найдемъ и въ другихъ слояхъ мелкой и средней буржуазіи. Упомянемъ, напр., то среднее купечество, которое держитъ въ своихъ рукахъ—исключительно благодаря поддержкѣ самодержавія—мѣстныя городскія самоуправленія. Насколько цѣнна эта привиллегія, видно уже и изъ того, что этимъ отдается въ ихъ власть распредѣленіе обложенія... Естественно, что всѣ подобные слои являются реакціонными и тогда, когда вполнѣ сознаютъ свои узкогрупповые интересы.

Зато этого нельзя сказать объ остальной массѣ мелкихъ городскихъ обывателей. Каково бы ни было ихъ субъективное отношеніе къ происходящему теперь политическому перевороту, необходимо признать, что въ общемъ онъ выгоденъ имъ—какъ выгоденъ вообще всѣмъ демократическимъ классамъ народнаго большинства. Ибо принципъ политическаго равноправія, стоящій на очереди, есть принципъ господства народныхъ массъ; и классъ мелкихъ городскихъ производителей, насчитывающій у насъ отъ 15 до 20 милл., могъ бы быть серьезнымъ участникомъ въ предстоящемъ демократическомъ распредѣленіи политической власти; а политическая власть выгодна всегда. Такимъ образомъ, насколько и въ этихъ массахъ реакція еще встрѣчаетъ поддержку—здѣсь можно говорить о несознанныхъ классовыхъ интересахъ, о недостаткѣ соціально-политическаго смысла.

Еще болѣе благопріятную среду для этой спекуляціи на соціальномъ невѣжествѣ нашелъ бы режимъ въ крестьянствѣ, если бы не великій просвѣтительный процессъ, почти навязанный ему аграрнымъ голодомъ и возникшимъ отсюда экономическимъ движеніемъ. Политическій консерватизмъ крестьянства подвергается все большему и большему испытанію въ борьбѣ за землю, въ этомъ простодушномъ посягательствѣ на экономическіе „устои“ самодержавія. Режимъ „всеобщаго блага вѣрноподданныхъ“ встрепенулся при

этомъ съ такой живостью и жестокостью, что... выдалъ себя. Даже темному крестьянскому сознанію начинаетъ выясняться теперь эта связь политическихъ началъ режима съ экономической эксплоатаціей, неотдѣлимость въ немъ земли отъ воли. Но именно лишь начинаетъ выясняться. Ибо трудно такъ быстро измѣниться сознанію, воспитанному вѣками однообразнаго, почти застывшаго экономическаго существованія съ его полу-натуральнымъ хозяйствомъ, разобщенностью производителей и вѣчной нищетой. Только въ этой средѣ застоя и темноты могло сохраниться міровоззрѣніе, выросшее на совсѣмъ иной соціально-политической почвѣ, въ далекую эпоху нашей исторіи. Мы знаемъ эту почву, эти историческіе источники крестьянскаго политическаго фетишизма, монархической вѣры и благонамѣренности. Дѣйствительно, было время, былъ историческій періодъ, когда эта вѣра имѣла свой смыслъ, выражала реальную цѣлесообразность самодержавія. Это былъ періодъ собиранія Руси, борьбы за свое національное единство и самостоятельность. Это политическое положеніе встрѣчалось тогда съ допотопнымъ складомъ соціально-экономической жизни: натуральнымъ хозяйствомъ и вытекавшимъ изъ него всеобщимъ разобщеніемъ населенія, разбросаннаго на огромной территоріи. Только сильная централизованная военная организація могла собрать его силы, обезпечить ему племенную цѣлость и самостоятельность. И она возникла въ процессѣ этой внѣшней борьбы. Русь московскаго времени была съ политической стороны государствомъ военнымъ. Только по мѣрѣ завершенія національнаго дѣла она становится все болѣе и болѣе государствомъ бюрократическимъ и полицейскимъ. Государственный строй, издавна приспособленный къ внѣшней военной борьбѣ, начинаетъ приспособляться къ условіямъ мирнаго національнаго развитія. Но къ этому времени онъ уже былъ достаточно связанъ съ интересами опредѣленныхъ классовъ — главнымъ образомъ поземельнаго дворянства; поэтому и процессъ приспособленія получилъ своеобразное направленіе, не задѣвая нисколько основъ режима. Онъ только перемѣнилъ объектъ, цѣли своей дѣятель-

ности. Вмѣсто внѣшней обороны всей страны, онъ сталъ концентрировать силы на внутренней защитѣ самого себя, на борьбѣ съ общественными силами; вмѣсто служилыхъ людей раскинулъ сѣть бюрократіи; вмѣсто военнаго режима сталъ полицейскимъ.

Эту историческую перемѣну чувствовало, конечно, и крестьянство, но оно именно лишь чувствовало ее, а не понимало. Въ увеличивавшейся тяготѣ жизни оно не видѣло ея соціальныхъ и еще менѣе политическихъ причинъ. Дѣло въ томъ, что непосредственная обстановка жизни крестьянина, самый типъ его производства измѣнились гораздо менѣе, чѣмъ экономическія и правовыя условія всей страны; оттого и сознаніе его такъ долго сохраняло анахронизмы политической идеологіи. Только экономическая революція въ деревнѣ сталкиваетъ его въ процессѣ аграрной борьбы съ политическимъ режимомъ. Но, конечно, и это просвѣщеніе воспринимается не всей массой деревни. Крестьянское *сословіе* включаетъ въ себѣ не менѣе разнообразные соціальные элементы, чѣмъ мѣщанство. Даже чисто деревенская масса крестьянства уже сильно расслоилась: не говоря о торговыхъ слояхъ его, мы встрѣчаемъ здѣсь среди массы мелкихъ земледѣльцевъ крупное и среднее землевладѣніе и многочисленные сильные хозяйственные слои, примѣняющіе постоянно наемный трудъ. Эти, конечно, не просвѣтятся и аграрной войной, въ которой они ближе къ обороняющимся, чѣмъ къ наступающимъ. Они образуютъ поэтому первый контингентъ реакціи. Вообще же мы будемъ встрѣчать ее въ крестьянствѣ преимущественно тамъ, гдѣ падаетъ этотъ осложняющій моментъ его классовой психологіи—острый и вмѣстѣ примитивный до крайности аграрный антагонизмъ съ помѣщикомъ и его защитниками;ибо тогда освобождается типичная консервативная сторона класса. Дѣйствительно, въ этой революціи реакціонная роль выпадала на долю крестьянства главнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ менѣе остро обстояли аграрныя отношенія. Такъ, при выборахъ въ первую Думу мы имѣемъ шесть губерній, давшихъ реакціонное большинство крестьянскихъ

выборщиковъ: это губ. Олонецкая, Псковская, Калужская, Московская, Нижегородская и Тамбовская. Изъ нихъ типично аграрная Тамбовская губ. должна быть исключена, такъ какъ результаты ея выборовъ, искаженные реакціонной губернской комиссіей, были кассированы Думой, а ближайшими кандидатами являлись, какъ извѣстно, прогрессивные выборщики. Остается въ числѣ реакціонныхъ, слѣдовательно, только одна Нижегородская губ., которая еще можетъ быть названа, и то съ большими оговорками, земледѣльческой.

Но, какъ и при разсмотрѣніи предшествующаго класса мелкой городской массы, мы должны вновь различать субъективную приверженность класса къ режиму съ его объективною заинтересованностью въ немъ. Каково дѣйствительное отношеніе между этими классовыми интересами и тенденціями реакціи въ лицѣ ея сознательныхъ высшихъ классовъ? Несомнѣнно, что и среди крестьянства есть слои, благосостояніе которыхъ болѣе или менѣе связано со старымъ режимомъ. Таковы упомянутые крестьяне—крупные собственники, таковы крестьяне-кулаки, наконецъ крестьянская администрація, подобранная и поддерживаемая правительствомъ. Но эти слои составляютъ все же меньшинство крестьянства. Что же касается реакціонной крестьянской *массы* нѣкоторыхъ мѣстностей, то здѣсь мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ противорѣчіемъ между субъективнымъ и объективнымъ отношеніемъ его къ старому режиму, съ недостаткомъ его классовой сознательности. Это не значитъ, конечно, что мы должны видѣть здѣсь результатъ обмана, недоразумѣнія — вообще случайную комбинацію силъ. Нѣтъ: это *относительная* случайность, это вполнѣ закономѣрное психологическое явленіе. Классъ, живущій при тѣхъ соціально-экономическихъ условіяхъ, какъ наше крестьянство, понятнымъ образомъ оказывается лишеннымъ политическаго развитія, общественной оріентировки всякій разъ, когда *непосредственный* интересъ и безвыходное положеніе не наталкиваютъ его на практикѣ—часто ранѣе, чѣмъ идейно—на политическую борьбу. Здѣсь остается, слѣдовательно, еще въ большей мѣрѣ констатировать то, что было сказано о

политическихъ интересахъ городского мѣщанства: какъ демократическій классъ народнаго большинства, крестьянство заинтересовано въ политической демократіи, дающей въ силу равноправія власть большинству; а это выгодно всегда, при всякихъ специальныхъ интересахъ класса.

Мы привели главнѣйшія соціальныя силы реакціи, какъ отдѣльные элементы того сложнаго реакціоннаго движенія, которое намъ предстоитъ разсмотрѣть. Мы видѣли среди этихъ элементовъ два основныхъ типа: во-первыхъ, группы, дѣйствительно связанныя съ режимомъ по своимъ интересамъ, поддерживающія его сознательно и, въ извѣстномъ смыслѣ, цѣлесообразно. Это высшіе классы стараго порядка, извлекавшіе изъ него огромныя выгоды—выгоды богатства и власти; во главѣ ихъ стоитъ крупное поземельное дворянство. Второй типъ представляютъ группы, дѣйствующія въ пользу реакціи по мотивамъ, чуждымъ осмысленному групповому интересу: это или мотивы чисто внѣшняго, несоціальнаго характера—какъ подкупъ, наемъ—или же побужденія, вытекающія изъ соціально-политической незрѣлости, невѣжества, закрѣпленнаго при энергичномъ содѣйствіи первыхъ группъ въ благопріятной для того практической обстановкѣ ихъ жизни.

Взаимное отношеніе этихъ двухъ типовъ реакціи понятно. Первыя силы—это самое существо реакціи, ея дирижирующіе кадры; вторыя—представляютъ ихъ средства, послушную массу, навербованную первыми изъ подходящихъ слоевъ. Единство же тѣхъ и другихъ, при различіи и даже противоположности ихъ дѣйствительныхъ соціальныхъ интересовъ, есть, слѣдовательно, результатъ извѣстной пропаганды и организаціи, внесенныхъ въ отсталую среду съ ея своеобразными психологическими условіями. Такъ создались массовыя реакціонныя партіи, союзы и „черныя сотни“.

Но изслѣдованіе этой массовой пропаганды и партій еще не покрываетъ собою изслѣдованія всей реакціи. Напротивъ, въ нихъ мы почти не увидимъ какъ разъ самаго существеннаго: это — реальныхъ, классовыхъ источниковъ реакціи. Вполнѣ естественно, что та пропаганда, которая вносится

въ темную массу для ея вовлеченія въ дѣло, чуждое ей по существу, значительно отличается отъ дѣйствительныхъ мотивовъ, руководящихъ сознательными, высшими классами. Чтобы видѣть эти послѣдніе мотивы, надо обратиться къ тѣмъ реакціоннымъ выступленіямъ, которыя не разсчитаны на популяризацію направленія въ массахъ, которыя поэтому прозаически ограничиваются преимущественно дѣловымъ кругомъ своихъ собственныхъ интересовъ. Таковы обособленныя выступленія владѣльческихъ слоевъ реакціи: землевладѣльцевъ, дворянства, земствъ—словомъ, поземельнаго класса и затѣмъ крупной буржуазіи. Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію реакціи въ ея цѣломъ—массовой реакціи (насколько она была таковой)—мы должны остановиться на этихъ владѣльческихъ движеніяхъ, наиболѣе откровенно высказывающихъ соціальную подкладку всего направленія.

II.

Вполнѣ понятно, что выступленія поземельнаго класса въ ходѣ нашей революціи находились въ связи не столько съ общеполитическими положеніями и конъюнктурами, сколько съ ходомъ аграрнаго движенія, непосредственно угрожавшаго этому классу.

Деревня всколыхнулась вслѣдъ за первыми движеніями города въ январѣ 1905 года и отвѣтила на нихъ своей болѣе примитивной экономической революціей. Насколько городское движеніе противопоставило народныя массы политическому режиму самодержавія въ лицѣ его правительства, настолько крестьянская революція угрожала его экономическому режиму, аграрному господству. Оно поэтому сразу подняло на ноги заинтересованные владѣльческіе слои режима.

Какъ реагировали они на поднявшееся народное движеніе? Какими силами располагали при этомъ и какую поддержку оказывали старому порядку?

Несмотря на свою сравнительную малочисленность, помѣщичій классъ представляетъ у насъ еще довольно вну-

шительную общественную силу въ общей массѣ населенія. Это классъ богатый, довольно образованный и въ главной своей части, поземельномъ дворянствѣ, хорошо организованный.

Но для его соціальной силы еще большее значеніе имѣетъ то общественное положеніе, которое онъ занимаетъ издавна и съ высоты котораго борется теперь съ наступающей демократіей. Въ рукахъ помѣщичьяго класса находятся въ настоящее время громадное большинство земствъ; онъ же заполняетъ въ значительной мѣрѣ общую и мѣстную администрацію, располагая связанными съ этимъ государственными средствами, матеріальными и организаціонными.

Независимо отъ этого, онъ дѣйствуетъ и самостоятельно, какъ общественная сила; съ этой цѣлью онъ частью использовалъ прежнюю сословно-дворянскую организацію, частью подъ давленіемъ потребностей возникшей борьбы создалъ новую, болѣе широкую—классовую.

Такимъ образомъ въ годы революціи мы встрѣчаемъ два вида „выступленій" землевладѣльческой реакціи: сословное движеніе въ видѣ дворянскихъ собраній и съѣздовъ и классовое въ видѣ союзовъ землевладѣльцевъ съ ихъ мѣстными и всероссійскими съѣздами. Прослѣдимъ вкратцѣ общій ходъ этихъ выступленій, насколько это нужно для выясненія ихъ соціально-политическихъ тенденцій.

Ранѣе всѣхъ выступили на политической почвѣ въ эту революцію тѣ организаціи поземельнаго класса, которыя уже существовали до революціи; это—земства и дворянскія общества. Знаменитый ноябрьскій (1904) съѣздъ земскихъ дѣятелей былъ даже какъ бы увертюрой ко всеобщему движенію 1905—6 гг. Но, представляя собой либеральныя теченія въ поземельномъ классѣ, онъ не былъ типичнымъ для преобладающей его массы. Когда подъ вліяніемъ рабочаго революціоннаго дѣйствія пришла въ движеніе вся масса общества, земскій либерализмъ былъ заслоненъ сверху болѣе передовыми и демократическими силами, а снизу былъ потопленъ въ пробудившейся реакціонной массѣ собственнаго класса *). Это послѣднее показываетъ, что въ зем-

*) О земской реакціи см. ниже.

скихъ съѣздахъ мы не должны видѣть сколько-нибудь правильнаго классоваго представительства помѣщиковъ; мы поэтому перейдемъ къ другимъ, болѣе прямымъ выраженіямъ стремленій этого класса. Таковыми были дворянскіе и землевладѣльческіе съѣзды.

Уже вскорѣ послѣ „весны" и либеральнаго введенія въ революціонную исторію, а именно въ концѣ января 1905 г., мы видимъ Московское Губернское Дворянское Собраніе за составленіемъ политическаго адреса. На немъ боролись три теченія и три проекта адреса: славянофильская правая (проектъ Самаринской группы), умѣренно-либеральная (Шиповско-Хомяковскій проектъ) и либеральная (проектъ Долгорукова и Кокошкина). Принятъ первый; сущность его сводилась къ принципу неприкосновенности самодержавія, къ требованію продолженія войны и заявленію о несвоевременности преобразованій.

Затѣмъ въ 20-хъ числахъ марта состоялся съѣздъ губернскихъ предводителей дворянства, оказавшійся сравнительно умѣреннымъ въ своемъ политическомъ консерватизмѣ. Адресъ его всталъ на почву рескрипта 18-го февраля, признавъ народное представительство съ совѣщательнымъ голосомъ. Впрочемъ, сильное меньшинство—все та же „Самаринская группа"—отдѣлилось отъ собранія и представило впослѣдствіи свое особое мнѣніе въ такъ называемой „запискѣ 23-хъ дворянъ". Записка отрицала то толкованіе рескрипта, которое было придано ему большинствомъ съѣзда: реакціонная группа отказывалась видѣть въ немъ признаніе принципа народнаго представительства, хотя бы и совѣщательнаго. Такимъ образомъ съ невиннымъ актомъ 18-го февраля случилось тогда то же, что впослѣдствіи съ манифестомъ 17-го октября: крайнія реакціонныя группы путемъ тенденціозныхъ толкованій упрямо отрицали ихъ очевидный текстуальный смыслъ.

Тѣ же два теченія столкнулись въ дворянской средѣ, и въ іюнѣ, по поводу принятія Царемъ земской депутаціи 6 іюня съ кн. С. Трубецкимъ во главѣ. Одна часть, консервативная—она же „умѣренно-либеральная"—поддерживаетъ требованіе народнаго представительства и правового упоря-

доченія въ странѣ. Это теченіе нашло выраженіе въ запискѣ 26 предводителей дворянства, принятой ихъ съѣздомъ 12—16 іюня.*) Въ своей оппозиціи существующему положенію записка проявляетъ даже нѣкоторую энергію, презрительно клеймитъ чиновничье правительство и его „опричнину", протестуетъ противъ административныхъ искаженій и ограниченій указовъ и требуетъ „немедленно приступить къ созыву народныхъ представителей". Но положительная часть стремленій съѣзда не идетъ дальше узко-владѣльческаго либерализма, ибо во главѣ угла стоитъ не что иное, какъ „союзъ Царя и старшаго сословія, слитаго со всею земщиной".

Съ другой стороны, рѣзко реакціонное теченіе выразилось въ адресѣ и рѣчахъ депутаціи отъ „русскихъ людей" 21 іюня (А. Нарышкинъ, А. Бобринскій, П. Шереметьевъ и др.) и въ адресѣ Курскаго дворянства (20 іюня): всѣ они отстаиваютъ, вопреки земской депутаціи, сословное начало выборовъ, неприкосновенность самодержавія и національнаго неравноправія.

Освободительное движеніе, превратившееся во второй половинѣ 1905 года въ настоящую революцію, притомъ съ сильной аграрной окраской, даетъ толчокъ къ усиленному движенію среди дворянства. Въ концѣ 1905 г. и въ 1906 году съѣзды и выступленія его учащаются, а занятія ихъ принимаютъ болѣе серьезный характеръ; на нихъ уже болѣе детально разрабатываютъ текущіе политическіе и экономическіе вопросы.

Къ октябрю 1905 года относится первое организованное выступленіе землевладѣльцевъ. 11-го октября Совѣтъ учредительнаго союза землевладѣльцевъ опубликовалъ обширную записку, въ которой излагалась платформа возникающаго „Всероссійскаго Союза землевладѣльцевъ". Этотъ документъ настолько типиченъ для идеологіи всего этого движенія, что мы приведемъ здѣсь важнѣйшія его части.

---

*) Почему именно съѣзды предводителей оказывались болѣе либеральными—читатель узнаетъ ниже.

Введеніе полно горечи—горечи, еще ранѣе накопившейся противъ буржуазнаго, грюндерскаго правительства, а теперь взвинченной опасностями революціи.

„Давнее и упорное невниманіе Власти къ интересамъ деревни, чуждое ей по духу законодательство, государственная финансовая политика, нетолько не соотвѣтствующая нуждамъ земледѣльческой страны, но совершенно имъ враждебная и предающая нашу родину подъ власть международной биржи; наконецъ, въ послѣднее время смута и безпримѣрная анархія, все болѣе и болѣе охватывающія деревню и грозящія уже имуществу и жизни сельскихъ жителей, должны наконецъ вызвать къ самозащитѣ и охраненію разрушаемыхъ гражданскихъ и культурныхъ устоевъ государства всѣ здоровые элементы русской деревни".

Чего же добиваются эти „здоровые элементы" деревни? Въ опредѣленіи своихъ соціально-политическихъ нормъ они находятся, какъ оказывается, подъ вліяніемъ двоякаго рода побужденій: во-первыхъ, обычнаго для аграрнаго юнкерства феодальнаго міровоззрѣнія, сложившагося на почвѣ его вѣковыхъ классовыхъ интересовъ; отсюда нормы самодержавія и православія въ программѣ. Съ другой стороны, оказывало вліяніе извѣстное недовѣріе къ буржуазному правительству съ его покровительственной системой и капиталистическими симпатіями (Витте); отсюда—допущеніе легкихъ коррективовъ къ государственной власти и подчеркиваніе „народности", какъ противовѣса буржуазному космополитизму зарвавшихся дѣльцовъ бюрократіи. Такимъ образомъ получилась нижеслѣдующая программа:

„Всероссійскій Союзъ землевладѣльцевъ ставитъ своими задачами:

I. Защиту интересовъ деревни въ широкомъ смыслѣ противъ всякихъ разрушительныхъ силъ.

II. Заботу не объ отвлеченныхъ „интересахъ земледѣлія", а реальныхъ землевладѣльцахъ и земледѣльцахъ.

III. Проведеніе въ жизнь условій, необходимыхъ для благоденствія земледѣльческихъ классовъ какъ духовнаго, такъ и матеріальнаго.

Такъ какъ весь успѣхъ дѣятельности союза зависитъ отъ тѣснаго единенія между собою его членовъ, выражающагося въ полномъ единомысліи по важнѣйшимъ политическимъ вопросамъ, то комитетомъ Союза формулированы слѣдующіе принципы:

1) Православіе,

2) Самодержавіе,

3) Государственная Дума—должна быть правдивымъ и честнымъ освѣдомленіемъ о дѣйствительныхъ нуждахъ народа и Государства, помо-

гать законодателю осуществлять назрѣвшія преобразованія и разрабатывать необходимые законы на благо и преуспѣяніе Россіи. Но она не должна стремиться къ пріобрѣтенію законодательной власти и къ ограниченію Самодержавія.

4) Русская Народность" *).

Но позиція союза была бы не вполнѣ ясной, если бы онъ не выразилъ своего отношенія къ вопросамъ конкретной внутренней политики. Для полной характеристики мы должны имѣть въ виду и эту часть записки, выражающую взглядъ Совѣта на общія задачи власти, на аграрный вопросъ и на финансовую политику:

„I. Задача всякой Государственной Власти есть твердое обезпеченіе порядка и закономѣрной общественной и личной свободы. Мы осуждаемъ поэтому всякое малодушіе и колебаніе Власти въ возстановленіи и удержаніи порядка и ея попустительство, позволяющее горсти революціонеровъ путемъ террора и политическихъ убійствъ создавать анархію въ странѣ и вызывать рядъ потрясеній и бѣдствій, разоряющихъ Русскій народъ и поддерживающихъ смуту, тревогу и взаимное озлобленіе.

II. Государство, въ которомъ право земельной собственности не обезпечено, непоколебимо нетолько со стороны закона, но и суда, управленія или общественныхъ учрежденій, и не твердо укрѣплено во всенародномъ сознаніи—существовать не можетъ. Поэтому первымъ условіемъ правильнаго общежитія и гражданскаго благоустройства является твердая и неуклонная со стороны Государственной Власти защита права собственности. Для Государства одинаково цѣнны и одинаково подлежатъ охранѣ всѣ виды землевладѣнія, какъ крестьянское, такъ и частновладѣльческое всевозможныхъ размѣровъ.

Крестьянское малоземелье является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ обязательнаго надѣленія землею крестьянъ, создавшаго то ошибочное предположеніе, будто Государство обязано обезпечивать землей все населеніе страны. Въ виду все болѣе очевидной, по мѣрѣ наростанія населенія, неосуществимости такой задачи, дальнѣйшее расширеніе площади крестьянскаго землевладѣнія должно совершаться не иначе, какъ естественнымъ экономическимъ путемъ—путемъ пріобрѣтенія въ собственность, исключительно по свободному соглашенію, съ устраненіемъ всякаго понужденія — всѣхъ свободныхъ казенныхъ, удѣльныхъ и частныхъ земель, какъ въ коренной Россіи, такъ и на окраинахъ.

---

*) „Моск. Вѣд.", 1905, № 304. Замѣтимъ здѣсь разъ навсегда, что постановленія подобныхъ классовыхъ и сословныхъ съѣздовъ вызывали время отъ времени протестъ нѣкоторой группы болѣе прогрессивныхъ членовъ организаціи, какъ это уже замѣтилъ читатель въ ранѣе упомянутыхъ съѣздахъ. Освѣщеніе этого факта будетъ дано ниже, въ обсужденіи явленій земской реакціи.

Средства: развитіе сельско-хозяйственнаго кредита, распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній, поддержка кустарной промышленности и т. п.

III. «Россія, какъ цѣлое, должна изображать самодовлѣющій экономическій организмъ, основа коего—землевладѣніе, обслуживаемое собственной промышленностью при полной независимости отъ внѣшнихъ рынковъ и при экономической самостоятельности.

Экономическая и финансовая политика государства должна отвѣчать этимъ требованіямъ. Главное средство: національная денежная система, независимая отъ международной биржи.

Какъ видимъ, антагонизмъ съ буржуазными замашками бюрократіи доводитъ совѣтъ землевладѣльцевъ до истинно-шараповской народной самобытности.

Самый съѣздъ землевладѣльцевъ-учредителей открылся въ Москвѣ 17 ноября подъ предсѣд. самарск. предв. двор. Чемодурова. Здѣсь было положено основаніе „Всероссійскому Союзу Землевладѣльцевъ“, вмѣсто существовавшаго ранѣе мѣстнаго Саратовскаго Союза, возникшаго по иниціативѣ Н. А. Павлова. Вновь возникшій Союзъ выдѣлилъ изъ себя постоянный Совѣтъ. Слѣдующее выступленіе землевладѣльцевъ, въ лицѣ этого Совѣта, произошло 23-го декабря 1905 года, когда была опубликована его записка по текушимъ политическимъ вопросамъ. Изъ этого документа мы узнаемъ, между прочимъ, чьему голосу слѣдуетъ правительство г. Столыпина въ своей политикѣ крестьянскаго „раскрѣпощенія“. Ибо еще въ этой запискѣ аграріи высказали слѣдующее:

Во всѣхъ распоряженіяхъ правительства за послѣднее время все говорится о «свободахъ»; обязанность же и неприкосновенность собственности совсѣмъ забыты. Между тѣмъ народъ русскій, не вполнѣ освобожденный отъ крѣпостного права, пока существуетъ община съ ея принудительной общностью владѣнія, не видя уваженія къ неприкосновенности личной собственности каждаго крестьянина въ отдѣльности, не воспитанъ въ сознаніи необходимости уваженія къ чужой собственности». *)

Послѣ долгихъ и горькихъ жалобъ на деревенскую смуту и агитаторовъ, авторы обращаются къ чрезвычайно реалистическимъ практическимъ совѣтамъ:

---

*) «Моск. Вѣд». 1906, № 19.

«Какъ возстановить порядокъ тамъ, гдѣ нашимъ забастовавшимъ правительствомъ дѣло было доведено до полной дезорганизаціи, гдѣ изобрѣтенная Святополкъ-Мирскимъ система управленія, основанная на «непротивленіи злу», повела къ хроническимъ забастовкамъ,—показалъ славный Семеновскій полкъ».

Вполнѣ послѣдовательно Совѣтъ видитъ затѣмъ единственное средство успокоенія въ объявленіи военнаго положенія и въ примѣненіи военно-полевыхъ судовъ. И снова мы видимъ, кто были истинными авторами другой, нынѣ злободневной мѣры „либеральнаго" правительства Столыпина.

4-го янв. 1906 г. состоялся съѣздъ уѣздныхъ и губернскихъ предводителей. Его резолюціи, довольно умѣренныя и лойальныя, какъ всегда на „предводительскихъ" съѣздахъ, заключали даже слѣдующія, довольно неожиданныя на первый взглядъ, вещи. пожеланіе скорѣйшаго созыва Думы и свободы выборовъ!.. Читатель, знающій послѣдующее отношеніе дворянства къ кадетской Думѣ и ея законопроектамъ, а затѣмъ и къ „свободѣ" новыхъ выборовъ, невольно остановится передъ этимъ контрастомъ. Несомнѣнно, предводители были либеральнѣе массы помѣщиковъ. Но это различіе не такъ велико, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Дѣло въ томъ, что передъ первыми выборами и всѣ вообще аграріи, подобно правительству, плохо представляли себѣ политическое положеніе. Они надѣялись видѣть Думу консервативной или, въ худшемъ случаѣ, умѣренно-либеральной. А такъ какъ аграрное положеніе передъ весной 1906 г. не обѣщало, по опыту прошлаго года, ничего хорошаго, то становится понятнымъ и это нетерпѣніе увидѣть Думу-успокоительницу и смѣлый рискъ въ свободѣ выборовъ.

Однако—или, можетъ быть, именно поэтому—явилась отнюдь не умѣренной аграрная позиція съѣзда.

Для упорядоченія аграрныхъ отношеній съѣздъ рекомендуетъ: 1) переходъ крестьянства къ подворному и хуторскому хозяйству, 2) продажу ему части казенныхъ и удѣльныхъ земель по существующимъ цѣнамъ, 3) расширеніе дѣятельности Крестьянскаго Банка по перепродажѣ частныхъ земель—также по существующимъ цѣнамъ. А каковы должны

быть эти „существующія“ цѣны, это мы увидимъ изъ слѣдующей критики операцій Крестьянскаго Банка: „Дѣйствія Крестьянскаго Банка въ послѣднее время представляются неправильными, тенденціозными, крайне медленными и направленными къ искусственному пониженію цѣнъ на землю въ связи съ аграрными безпорядками“. И это говорилось въ то время, когда всѣ ожидали на весну новыхъ крестьянскихъ волненій!

Наконецъ, 12-го февраля 1906 г. состоялся 2-й съѣздъ землевладѣльцевъ. Принявъ предложенныя Совѣтомъ резолюціи—все съ тѣми же воззваніями къ твердой власти—онъ заключилъ ихъ слѣдующей дружественной демонстраціей:

«Выразить благодарность министру внутр. дѣлъ Дурново и юстиціи Акимову за ихъ мѣропріятія, направленныя къ подавленію революціоннаго движенія, и московскому ген.-губерн. Дубасову за энергичное подавленіе вооруженнаго возстанія въ Москвѣ» *).

Но какъ ни блистательны были подвиги вышепоименованныхъ лицъ, однако убытки были на лицо. Въ виду этого съѣздъ пришелъ къ нижеслѣдующей аргументаціи:

«Всякій платящій налоги, тѣмъ самымъ получаетъ право на охрану государствомъ своего имущества и признаетъ необходимымъ ходатайствовать передъ Правительствомъ, чтобы всѣ землевладѣльцы, которыхъ государств. власть не оградила отъ разгрома при такъ называемыхъ аграрныхъ безпорядкахъ, были вознаграждены этой же государственной властью».

Но съѣздъ чувствовалъ себя способнымъ на большее, чѣмъ политическія резолюціи и ходатайства: онъ не оставилъ безъ вниманія и научныхъ вопросовъ, насколько усматривалъ въ нихъ источникъ заблужденій въ оцѣнкѣ современнаго аграрнаго положенія въ Россіи. Онъ формулировалъ нѣсколько существенныхъ возраженій противъ теоріи малоземелья; въ виду крайней оригинальности, приводимъ ихъ цѣликомъ:

«1. Площадь крестьянскаго землепользованія, приходящаяся на душу земледѣльческаго населенія въ Россіи, вопреки распространенному мнѣнію, не уменьшилась съ 1861 года, а значительно увеличилась. Увеличеніе площади землепользованія со времени крестьянской реформы переросло ростъ населенія въ полтора раза.

---

*) «Моск. Вѣдом.» 1906, № 44, 45.

2. Явленія такъ называемаго малоземелья не проливаютъ никакого свѣта на современный вопросъ русской деревни въ виду, во-первыхъ, полной неопредѣленности и относительности этого понятія, и во-вторыхъ, смѣшенія этого понятія съ разнородными съ нимъ понятіями: а) уменьшенія размѣровъ хозяйства, b) измѣненія полевыхъ полосъ, с) перероста земледѣльческаго населенія.

3. Теорія малоземелья выдвигаетъ не внутренній и существенный, а второстепенный, механическій хозяйственный признакъ, а потому безусловно должна быть осуждена въ качествѣ основанія аграрной политики.

4. Основной выводъ о непригодности второстепеннаго и внѣшнемеханическаго, формальнаго признака малоземелья, какъ основанія аграрной политики, не ослабляется существованіемъ такъ называемыхъ дарственниковъ и безземельныхъ крестьянъ, улучшеніе положенія которыхъ, вмѣстѣ со всѣми остальными группами крестьянства, возможно лишь на почвѣ не количественно-земельной, а обще-экономической».

Малоземелье — „ф о р м а л ь н ы й" признакъ! Такъ далеко заводитъ классовое чувство...

Изъ послѣдующихъ выступленій дворянства отмѣтимъ съѣздъ „Кружка двяноръ" 22 апрѣля 1906 г. Кружокъ, состоявшій изъ особенно отсталыхъ элементовъ, оказался весьма неоригинальнымъ въ области политической: она сводилась главнымъ образомъ къ требованію совѣщательнаго значенія Государственной Думы: и это наканунѣ ея созыва, какъ законодательнаго учрежденія! Но самобытность съѣзда проявилась въ его резолюціи по вопросу о дворянскомъ землевладѣніи:

«Недвижимая собственность дворянъ должна быть признана заповѣдной въ государственномъ значеніи въ предѣлахъ ограниченной величины хозяйственной единицы, помѣстья. Таковое помѣстье не отчуждаемо, не закладываемо и не отвѣтственно за долги, дабы тѣмъ была сохранена великая миссія культурно-нравственнаго государственнаго значенія дворянскаго землевладѣнія. Для передачи своимъ наслѣдникамъ заложенной нынѣ недвижимой собственности совершенно свободной отъ залога, желательной мѣрой является учрежденіе взаимнаго дворянскаго страхованія помѣстій»*).

Здѣсь оригинальна феодальная тенденція къ принудительному юридическому закрѣпленію владѣнія въ противоположность буржуазной свободѣ обращенія цѣнностей. Характерно, что и на противоположномъ полюсѣ натурально-хо-

*) «Моск. Вѣд.», 1906, № 102.

зяйственнаго мышленія — въ аграрно-народническомъ революціонизмѣ, злѣйшемъ врагѣ этого консервативнаго класса— мы видимъ аналогичныя по типу нормы: это юридически закрѣпленное мелкое землепользованіе, всеобщая заповѣдность, изъятіе изъ обращенія земли въ буржуазной странѣ съ цѣлью фиксировать исторически преходящую мелкобуржуазную форму. Уравнительное землепользованіе с.-р'овъ и заповѣдность дворянскаго землевладѣнія—это двѣ стороны одной монеты, вышедшей изъ одного и того же стараго хозяйственнаго уклада страны!

До сихъ поръ дворянство выступало или въ лицѣ отдѣльныхъ сословныхъ обществъ (губ. собраній) и частныхъ кружковъ, или, когда имѣлось въ виду болѣе общее выступленіе,—собирались всероссійскіе съѣзды предводителей. Но эта форма объединенія не удовлетворяла дворянство. Предводителями были лица, выбранныя совсѣмъ при иныхъ условіяхъ и для иной цѣли. Это были представители будничныхъ, домашнихъ интересовъ сословія господствовавшихъ въ прежнее спокойное время. Предводителями выбирались обыкновенно просто самые именитые и великолѣпные дворяне, вліятельные заступники и хорошіе хлѣбосолы.

Революція, всполошившая дворянство, толкнула его на рѣзкія политическія выступленія. Для руководительства въ этомъ потребовались другія лица, обладавшія не богатствомъ и умѣньемъ жить открыто, но нужнымъ политическимъ направленіемъ. Кромѣ того, прежніе предводители были, вѣдь, въ то же время и государственными чиновниками; они не были поэтому достаточно свободными въ опредѣленіи своей политической позиціи. Наконецъ, они просто оказывались вообще болѣе либеральными, чѣмъ остальная провинціальная помѣщичья среда — такъ какъ выбирались вообще изъ болѣе культурныхъ, просвѣщенныхъ лицъ сословія, какъ самыхъ способныхъ къ роли администраторовъ и представителей. Объ этомъ фактѣ свидѣтельствуютъ самые съѣзды предводителей, оказавшіеся вообще болѣе умѣренными въ дѣлѣ охранительной политики.

Поэтому уже съ ранней весны 1906 г. дворянство ищетъ новой организаціи, болѣе соотвѣтствующей своимъ реакці-

онным интересамъ. Оно переходитъ, наконецъ, къ организаціи всего сословія путемъ выборовъ особыхъ уполномоченныхъ, вмѣсто прежнихъ предводителей. Во главѣ становятся поэтому всероссійскіе съѣзды этихъ уполномоченныхъ, которые выдѣляютъ изъ своего состава постоянный Совѣтъ.

Первый такой съѣздъ состоялся 22 мая 1906 г. Онъ собрался уже при новой политической обстановкѣ; передъ нимъ была налицо дѣятельность Думы — той Думы, созыва которой требовали предводители въ январѣ. Какъ извѣстно, аграрный вопросъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ея работахъ, и принципіальная позиція большинства (принудительное отчужденіе) была уже ясна изъ первыхъ преній. Естественно, что и съѣздъ, имѣя передъ собой планы буржуазной Думы, остановился на этомъ вопросѣ съ особеннымъ вниманіемъ. И вотъ какъ отнесся онъ въ своемъ адресѣ къ позиціи, занятой Думою:

„Принудительное отчужденіе поколеблетъ въ корнѣ одинъ изъ наиболѣе твердыхъ устоевъ государственной жизни — неприкосновенность частной собственности, и гибельно отразится на всемъ народномъ благосостояніи и правильности развитія страны“ *).

Это было началомъ антидумской кампаніи дворянъ и землевладѣльцевъ—кампаніи, перешедшей затѣмъ, по логикѣ вещей, въ борьбу противъ избирательнаго закона 11 декабря и свободы выборовъ.

Остальная дѣятельность съѣзда 22 мая не дала ничего новаго. Положительная земельная программа его повторяла все тѣ же старые шаблоны: переселеніе, земельный кредитъ и пр. Крылатый терминъ „трудового дворянства“, брошенный съѣздомъ, былъ поэтому самымъ оригинальнымъ его проявленіемъ.

Избранный съѣздомъ Совѣтъ играетъ однако въ послѣдующій думскій и послѣдумскій періодъ очень яркую роль, хотя и замкнутую въ предѣлахъ интимныхъ сношеній съ правительствомъ. Онъ именно выступаетъ главнымъ поборникомъ роспуска „мятежной Думы“ и измѣне-

*) «Русск. Знамя», 1906, № 147.

нiй избирательнаго закона, вылившихся впослѣдствiи въ устахъ послушнаго правительства въ форму сенатскихъ „разъясненiй". Состоявшiйся 14—17 ноября II-ой съѣздъ уполномоченныхъ дворянск. обществъ сталъ именно на точку зрѣнiя этого Совѣта. Такимъ образомъ эта организацiя является гораздо болѣе реакцiонной, чѣмъ замѣщенные ею съѣзды предводителей; она лучше выражала настроенiя провинцiальной массы дикихъ помѣщиковъ.

Мы имѣли въ виду до сихъ поръ лишь самыя общiя проявленiя землевладѣльческой организацiи въ главныхъ, всероссiйскихъ съѣздахъ. Но частичная мѣстная организацiя этихъ элементовъ началась еще раньше этихъ съѣздовъ и получила широкое развитiе. Мы уже упоминали о „Союзѣ землевладѣльцевъ Саратовской губ.," какъ ячейкѣ, изъ которой вышелъ Всероссiйскiй союзъ.

Аналогичныя организацiи видимъ въ Тульской губ., Таврической (Симфероп. уѣздъ), Кiевской и т. д. Особенное развитiе получило это союзничество аграрiевъ въ Югозападномъ краѣ, гдѣ они въ 1906 г. вступили въ борьбу съ упорными массовыми забастовками крестьянъ и батраковъ. Такъ, небезъизвѣстное Уманско-Липецкое сельско-хозяйственное Общество явилось центральной организацiей „Союза работодателей" съ цѣлью „культурной" самозащиты отъ „организованной эксплоатацiи"... со стороны крестьянъ. Запасная армiя батраковъ—штрейкбрехеровъ, готовая къ услугамъ каждой изъ экономiй союза—вотъ одна изъ наиболѣе существенныхъ цѣлей организацiи. Во всѣхъ частяхъ края кипитъ, такимъ образомъ, полуконспиративная работа помѣщичьей организацiи.

Другiе мѣстные союзы обратились къ еще болѣе практической политикѣ: найму стражниковъ и субсидированiю реакцiонныхъ газетъ. Таковы обыкновенно уѣздныя организацiи землевладѣльцевъ. На губернскихъ мы имѣемъ дѣло уже съ „политикой". Здѣсь вообще замѣчаются два теченiя. Одно рѣзко реакцiонное, ставящее себѣ цѣлью насильственное ограниченiе данныхъ населенiю политическихъ правъ; оно выступаетъ, какъ это было на Кiевскомъ и Волынскомъ съѣздахъ, съ требованiемъ измѣненiй избира-

тельнаго закона до созыва второй Думы. Второе, консервативное, заботится болѣе о томъ, чтобы, не требуя нарушенія „Основныхъ Законовъ“, обезпечить себѣ вліяніе въ Думѣ легальными средствами (меньшинство Волынскаго съѣзда). При этомъ выглядитъ оригинальная эгоистическая подкладка такой платформы: памятуя славную зубатовщину, эти помѣщики боятся правительственной аграрной демагогіи, которая могла бы возникнуть въ крайній моментъ: ради спасенія политическаго режима бюрократія, пожалуй, рискнетъ и землей.—„Въ моментъ крайней анархіи“,—пишетъ Dziennik Kijowski—„именно изъ тѣхъ сферъ, къ которымъ нынѣ волынскіе землевладѣльцы взываютъ о помощи, могутъ появиться такіе проекты, которые они сами съ ужасомъ будутъ отвергать“.

И сословно-дворянскія мѣстныя организаціи ожили передъ опасностями революціи. Помимо тѣхъ же стражниковъ и субсидій, мы видимъ во второй половинѣ 1906 года новую форму ихъ борьбы съ освободительнымъ движеніемъ: это исключеніе изъ своей среды либеральныхъ сочленовъ въ разсчетѣ нетолько на „диффамацію“, но и на связанныя съ этимъ ограниченія правъ. Таковы Курское Губернское Дворянское Собраніе, Харьковское, Тульское, Екатеринославское и др.

Наконецъ, тѣ же элементы владѣльческой реакціи мы имѣемъ и въ позиціи, занятой въ ходѣ революціи значительной частью земствъ. Земское самоуправленіе, принявшее при положеніи о выборахъ 1890 года рѣзкій землевладѣльческій характеръ, пережило за время революціи 1905—06 г. вполнѣ понятную и характерную эволюцію.

Самодержавіе, бывшее не только абсолютизмомъ, но именно бюрократическимъ абсолютизмомъ, стремилось, въ силу экономической необходимости, опираться на всякій безъ различія сильный владѣльческій классъ. Поэтому, по мѣрѣ хозяйственнаго развитія страны и роста новыхъ соціальныхъ силъ, оно все болѣе проникалось крупно-буржуазными связями и тенденціями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно менѣе полно удовлетворяло потребности своего исконнаго класса—землевладѣнія; особенно финансовая и промышлен-

ная политика чувствительно задѣвала его интересы. Съ другой стороны, и сама землевладѣльческая среда сильно разслоилась. Наряду съ типично-феодальными слоями, жившими докапиталистическимъ хозяйствомъ съ его мелкими арендами, половничествомъ, отработками и т. д., появились и болѣе культурныя, „буржуазныя" хозяйства. Точно также и въ личномъ составѣ класса наряду съ „дикими" помѣщиками допотопной формаціи выступали: либеральный помѣщикъ-буржуа и помѣщикъ-интеллигентъ, членъ свободной профессіи. Самодержавіе, неудовлетворявшее и тѣхъ и другихъ экономически,— вторую, болѣе культурную среду не удовлетворяло также и политически; ибо она и въ идейномъ отношеніи стояла уже на почвѣ буржуазной культуры съ ея тенденціями къ юридическому равноправію *).

Въ мертвый періодъ самодержавія, когда всѣ общественныя отношенія были накрыты его темнымъ саваномъ, наиболѣе неудовлетворенной группой помѣстнаго землевладѣнія являлась та, которая была задѣта и экономически и политически. Это—земскій владѣльческій либерализмъ. Онъ, поэтому, выдвигался въ то время на первый планъ и придавалъ земской дѣятельности, земской идеологіи оппозиціонный характеръ. Земство стало въ глазахъ средняго обывателя синонимомъ либеральной общественной силы, культурной самодѣятельности общества; оно даже было окружено нѣкоторой дымкой идеализаціи и моральнаго сочувствія широкихъ круговъ. Съ другой стороны, реакціонное землевладѣніе, одновременно сидѣвшее въ земствахъ, относительно слабо тормозило это прогрессивное выступленіе; ибо и оно, какъ мы видѣли, было недовольно одной частью режима, а главное не видѣло въ политическомъ

*) Надо замѣтить, что и экономическая политика самодержавія болѣе обрушивалась на прогрессивное землевладѣніе, чѣмъ на феодальное. Ибо если покровительство промышленности съ его торговыми договорами вызывало ухудшеніе условій вывоза всѣхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ вообще и этимъ вредило обѣимъ группамъ помѣщиковъ, то таможенное обложеніе сельско-хозяйств. машинъ и средствъ производства болѣе вредило, очевидно, культурному, капиталистическому сельскому хозяйству.

либерализмѣ своего сосѣда никакой особенной опасности для своихъ экономическихъ интересовъ. Оно поэтому охотно представляло либерализму первую роль, такъ какъ имѣло въ этой болѣе культурной средѣ лучшихъ работниковъ.

Положенiе рѣзко измѣнилось въ ходѣ начавшейся революцiи. Послѣдняя оказалась нетолько политической революцiей—слишкомъ къ тому же заносчивой—но и борьбой экономической и—что всего хуже—аграрной. Политическiя уступки отчасти уже сдѣланы—а экономическая революцiя все еще шла crescendo. Это сразу перевернуло позицiю земствъ. И либеральные и реакцiонные аграрiи были напуганы характеромъ движенiя. Но кромѣ того: первые были уже отчасти удовлетворены политически—сначала рескриптомъ 18 февр., потомъ манифестомъ 17 окт.; да и сильно разочарованы выяснивщейся обидной связью революцiи политической съ экономической; вторые, узрѣвъ эту самую связь, потеряли, естественно, послѣднiе остатки терпимости ко всякой оппозицiи и выступили активной контръ-революцiонной силой. И вотъ вамъ—земская реакцiя; ослабѣвшiе голоса прогрессистовъ и зашевелившаяся передъ явной опасностью масса „дикихъ", прежде инертныхъ, создали эту земскую метаморфозу во время революцiи.

Земская реакцiя заявила себя нетолько идейно, въ формѣ демонстративныхъ резолюцiй, но и практически. Она обрушилась особенно на т. н. третiй элементъ и на либеральныхъ дѣятелей изъ собственной среды. Въ уѣздахъ она кое-гдѣ организовала даже отряды стражниковъ, при чемъ не остановилась передъ употребленiемъ общеземскихъ средствъ на охрану помѣщичьихъ владѣнiй. Въ другихъ случаяхъ она не церемонилась и съ разгромомъ культурныхъ земскихъ предпрiятiй, если подозрѣвала въ нихъ разсадники оппозицiи. Такъ окончился поэтическiй перiодъ земской жизни, оказавшiйся плодомъ зрительной аберрацiи на темномъ фонѣ самодержавiя.

На этомъ мы окончимъ нашъ обзоръ землевладѣльческаго движенiя. Главная цѣль очерка—выяснить матерiальную классовую подкладку реакцiи—достигнута: внутреннiя

пружины аграрнаго политиканства ясны и просты, какъ будній день помѣщика. Удержать землю и покорнаго рабочаго для нея—вотъ его единственная цѣль. Такъ какъ самодержавіе искони обезпечивало ему и то, и другое, то помѣщикъ былъ ярымъ монархистомъ и абсолютистомъ. Когда позднѣйшій абсолютизмъ сталъ все болѣе проникаться буржуазнымъ духомъ и съ меньшей полнотой удовлетворялъ запросы помѣщика—онъ сталъ слегка фрондировать. Онъ поэтому въ общемъ кое-какъ призналъ вынужденныя уступки режима, пока онѣ ограничивались допущеніемъ совѣщательнаго представительства. Но гораздо хуже, враждебнѣе встрѣтили въ этой средѣ дальнѣйшія, конституціонныя уступки: принципъ демократизаціи законодательной власти былъ по существу невыгоденъ этому классу, представляющему ничтожное эксплоатирующее меньшинство населенія. И если отчаянное аграрное положеніе и, съ другой стороны, переоцѣнка своихъ консервативныхъ силъ въ странѣ возбуждали въ части его надежду на Думу, то выяснившійся составъ ея и характеръ дѣятельности сразу отрезвили его. И помѣщичій классъ, переживъ этотъ политическій опытъ, становится въ дальнѣйшемъ еще осторожнѣе въ своихъ допущеніяхъ. Какъ ни сомнительна и безпутна бюрократія—все же самодержавіе гораздо лучше обезпечиваетъ его владѣльческіе интересы, чѣмъ народное представительство. И аграрій бросается—если такъ можно выразиться—въ реакцію. Онъ свергаетъ своихъ либераловъ въ земствѣ, а въ сословной организаціи замѣщаетъ умѣренныхъ предводителей ярко-реакціонными „уполномоченными" Изъ его среды все чаще слышатся требованія ограниченій избирательнаго права, одобреніе соотвѣтствующей политики „дѣлового" министерства...

Сохраненіе земли и работника—таковъ „лозунгъ" класса. Политическія же симпатіи—это дѣло уже производное, зависимое *). Хорошъ тотъ режимъ, который всего лучше

*) По словамъ корреспондента, кіевскіе землевладѣльцы, объединяясь въ концѣ октября 1906 г. въ союзъ, заявляли: «Дайте намъ какой-угодно политическій строй, но такой, который сумѣлъ бы оградить частную собственность отъ конфискаціи» (Вѣстн. партіи нар. своб. № 36, 1906).

обезпечиваетъ ту главную цѣль; будетъ ли это чистое самодержавіе, или какъ-нибудь корректированное—это дѣло условное: по словамъ поэта, „Und der König absolut, venn er unsern Willen thut“. Но что должно быть непремѣнно самодержавіе — это такъ же понятно, какъ цѣпная собака у хлѣбнаго амбара.

Въ послѣдующемъ мы увидимъ, какъ эти основныя задачи класса комбинировались со стремленіями другихъ „ликующихъ“ группъ самодержавія и, усиленныя помощью нѣкоторой части безсознательной массы, дали реакціонное партійное движеніе. Тогда же мы увидимъ, какъ преобразовалась подъ вліяніемъ этихъ условій и самая мотивировка, идеологія движенія, вылившись, путемъ переработки въ головахъ идеологовъ, въ новыя, своеобразныя формы. Но прежде, чѣмъ перейти къ этому, остановимся ненадолго на другомъ владѣльческомъ классѣ самодержавія—крупной буржуазіи.

Крупная буржуазія, этотъ болѣе поздній оплотъ самодержавія, не играла въ текущей революціи такой опредѣленной роли, какъ старый, родной классъ режима, помѣщичій. По самому соціальному положенію своему, по характеру своихъ связей съ режимомъ самодержавія и своихъ перспективъ въ ожидаемомъ новомъ—онъ не могъ быть ни революціоннымъ, ни активно-реакціоннымъ участникомъ текущаго переворота. Онъ занялъ въ общемъ промежуточную, выжидательную позицію, наиболѣе отвѣчавшую и его болѣе ограниченному общественному значенію и его интересамъ.

Въ старомъ режимѣ было, несомнѣнно, многое выгодно ему: усиленное промышленное покровительство въ разныхъ формахъ, выгодная система податного обложенія, выборныя привиллегіи въ городскомъ самоуправленіи, неизмѣнное участіе чрезъ „свѣдущихъ людей“ въ работѣ правительственныхъ вѣдомствъ и пр. Но всѣ эти прелести режима въ значительной мѣрѣ заслонялись его же отрицательными чертами. Покровительство таможенное, удовлетворяя одни промышленные круги, задѣвало интересы другихъ. Покровительство путемъ распредѣленія казенныхъ заказовъ все болѣе обращалось, благодаря темнотѣ министерскихъ переднихъ, въ

хищеніе, взяточничество и стало областью случайностей. Покровительство полицейское при борьбѣ съ рабочими стало выливаться подчасъ въ очень сомнительныя формы, вродѣ зубатовщины, такъ какъ стремилось откупиться отъ политики рабочихъ за счетъ кармановъ предпринимателей; въ результатѣ „убытки" возрастали, а рабочіе волновались еще болѣе. Изъ комиссій со свѣдущими людьми толку выходило также все меньше. Налоги, хоть и не подоходные, все же возрастали чувствительно, такъ какъ мотовству и хищеніямъ безконтрольной бюрократіи не было предѣловъ. Народъ нищалъ, потребленіе не прогрессировало, рынокъ не развивался. Нелѣпая внѣшняя политика, кончившаяся національнымъ позоромъ и еще большимъ разореніемъ, докончила картину самодержавнаго управленія. За что ни брались, все принимало какія-то дикія формы, пропадало непроизводительно. Режимъ сталъ практически немыслимымъ, неспособнымъ выполнять функціи культурнаго буржуазнаго государства. Дѣловой умъ буржуа безъ труда видѣлъ это—и не имѣлъ охоты мѣшать паденію подгнившаго колосса. Въ будущемъ его ждалъ строй юридическаго равноправія и экономическихъ преимуществъ; а это условія, при которыхъ онъ, въ противоположность старозавѣтному помѣщику или бюрократу-самодержцу, еще является жизнеспособнымъ. Съ этой точки зрѣнія будетъ вполнѣ понятнымъ, если мы встрѣтимъ въ нашей крупной буржуазіи преимущественно умѣренно-либеральныя или, въ крайнемъ случаѣ, консервативныя теченія, реакціончыя же встрѣтимъ въ тѣхъ ея слояхъ, которые являются «хозяевами» наиболѣе отсталыхъ промышленныхъ районовъ, съ недавней капиталистической индустріей, еще не отрѣшившейся отъ старыхъ, полукупеческихъ формъ хозяйства. Такъ оно и было.

Въ концѣ января 1905 г. торгово-промышленники московскаго района, во главѣ съ покойнымъ С. Т. Морозовымъ, представили правительству записку по рабочему вопросу, но чисто политическаго характера. Записка была прямо либеральна; ея основными пунктами были: 1) равноправіе всѣхъ гражданъ передъ закономъ; 2) неприкосновен-

ность личности и жилища; 3) полная свобода сходокъ и собраній рабочихъ и ихъ организаціи; 4) свобода слова и печати; 5) право участія представителей всѣхъ классовъ населенія... въ законодательныхъ работахъ и въ обсужденіи бюджета; 6) всеобщее обязательное школьное обученіе.

Эта записка „крупнѣйшихъ фабрикантовъ и заводчиковъ Москвы и московскаго района“ открыла собой, какъ извѣстно, эру капиталистическаго либерализма 1905 года; она сопровождалась вскорѣ многими аналогичными выступленіями промышленниковъ другихъ районовъ. Но менѣе извѣстны проявленія той оппозиціи, которую встрѣчалъ этотъ либерализмъ въ нѣкоторыхъ слояхъ того же торговопромышленнаго класса. Такъ, упомянутая записка вызвала чрезвычайно характерную отповѣдь и контръ-записку другой промышленной группы—„московскихъ фабрикантовъ, заводчиковъ и разныхъ промышленниковъ и торговцевъ средней Россіи“. Значитъ: во-первыхъ, не „крупнѣйшихъ“ уже; во-вторыхъ, не московскихъ только, но и провинціальныхъ; наконецъ, не однихъ фабрикантовъ и заводчиковъ, но и „торговцевъ“; какъ видимъ, все элементы, понижающіе высоту буржуазной культурности. Затѣмъ оказывается, что провинція была представлена главнымъ образомъ промышленниками Костромского и Иваново-Вознесенскаго районовъ... Уже все это даетъ читателю нѣкоторый намекъ на возможный характеръ записки. Но онъ еще болѣе пойметъ „закономѣрность“ этой реакціи, если узнаетъ, что руководителями этой группы были фабриканты-купцы Кинешемско-Вичужскаго подрайона Костромской промышленности— подрайона, наиболѣе дикаго и некультурнаго изъ капиталистическихъ мѣстностей Россіи. Именно руководству этихъ „хозяевъ“ нашего капиталистическаго захолустья (А. Ѳ. Морокинъ *) и К⁰) записка обязана своимъ дикимъ, докультурнымъ со-

*) Это тотъ самый господинъ, который прославился еще на нижегородской ярмаркѣ 1905 г., обратившись къ россійскому купечеству съ запиской и проектомъ, направленными противъ соціалъ-демократовъ. Почтенные купцы, непривыкшіе къ темамъ подобнаго рода, предпочли уклониться отъ сотрудничества со своимъ „писателемъ“ и, кажется, такъ и не выслушали его „прожекта“.

держаніемъ. Чтобы дать о немъ понятіе читателю, приведемъ лишь нѣкоторыя части этой очень обширной (и очень малограмотной) записки.

„Хозяева“ отвѣчаютъ на записку своихъ столичныхъ собратьевъ по всѣмъ пунктамъ:

„1) Русскія племена, кровію своею стяжавшія обширныя владѣнія царства Россійскаго, имѣютъ неотъемлемое право, доставшееся имъ отъ прародителей, почитаться первенствующими... и т. д. 2) Полная неприкосновенность личности и жилища, по существу своему весьма желательная, можетъ повлечь за собою на практикѣ дальнѣйшее усиленіе дѣятельности внутренней смуты... 3) Полная свобода сходокъ и собраній рабочихъ и свобода ихъ организацій, предоставленная имъ какъ бы для законной защиты ихъ попранныхъ правъ, приведетъ къ послѣдствіямъ совершенно противоположнымъ... Если петербургскіе рабочіе не постыдились и пошли вслѣдъ за смутьянами въ такое тяжкое для России время, какъ нынѣшнее, ставъ объ руку съ врагами отечества, то отсюда можно предвидѣть, на какія дѣйствія эти люди будутъ способны, если имъ дана будетъ полная свобода организоваться въ союзы и дѣлать стачки... Нравственный и умственный уровень нашихъ рабочихъ, обрисовавшійся достаточно опредѣленно въ погромахъ полтавскомъ, харьковскомъ, имѣнія Терещенко и во время бунта въ Петербургѣ... служитъ лучшимъ признакомъ опасности отъ предполагаемыхъ новшествъ... Всесильные нынѣ агитаторы воспользуются ими для своихъ политическихъ цѣлей, ничего общаго съ дѣйствительными нуждами рабочихъ не имѣющихъ... Постоянная уступчивость успѣла уже отуманить головы этой темной массѣ, забывшей и отвергающей свои обязанности нравственныя и гражданскія и измышляющей лишь для себя разныя мнимыя права не только на чужую собственность, но даже на чужую жизнь (!) и добивающейся этихъ правъ (на чужую жизнь?) всякими незаконными средствами: разгромомъ чужого имущества, поджогами, стрѣльбой, взрывами, угрозами, насиліями надъ личностью и даже убійствами и т. п.... Мы полагаемъ, что въ промышленной дѣятельности нельзя безнаказанно нарушать основной экономическій законъ спроса и предложенія, и поэтому и искусственныя ломки могутъ поставить наше отечество въ чрезвычайно опасное положеніе.*) 4) Свободу слова и печати мы считаемъ желательной, но не безусловно и т. д. 5) Право участій выборныхъ отъ населенія для участія въ законодательныхъ вопросахъ мы считаемъ желательнымъ, но при условіи, чтобы выборные были лучшіе люди, избранные приходами, и чтобы участіе ихъ ограничивалось совѣщательнымъ голосомъ. 6) Всеобщее обученіе грамотѣ весьма желательно, но лишь при условіи, что оно будетъ ввѣрено премущественно приходу, какъ церковной общинѣ....“ (См. „Русское дѣло“ 1905 г. № 25).

---

*) Это мнѣніе дикихъ промышленниковъ представляетъ недурную аналогію „формальному признаку малоземелья“ дикихъ помѣщиковъ!

Въ послѣдующее время только одна группа крупной буржуазіи заявила себя близкой къ реакціи: это группа А. Гучкова, имѣющая значительную поддержку въ средѣ Московской Думы и нѣкоторыхъ провинціальныхъ. Но и эта группа („Союзъ 17 окт.") не можетъ быть названа строго-реакціонной, а скорѣе лишь контръ-революціонной, оппортунистически-консервативной. Зато характерно, что даже и при этихъ условіяхъ отъ нея все болѣе сторонятся другіе круги столичной крупной же буржуазіи, кочующіе понемногу въ партію „Мирнаго обновленія" (Четвериковъ, Рябушинскій и др.).

Конечно, опасность надвигавшейся революціи съ ея организованными рабочими массами возбудила и въ торгово-промышленной средѣ потребность въ сплоченіи и мобилизаціи своихъ силъ. Но возникшія отсюда организаціи носятъ главнымъ образомъ экономическій характеръ и во всякомъ случаѣ, въ силу выясненнаго общаго положенія класса, не выступаютъ въ качествѣ активной реакціонной *) силы. Въ спеціальномъ обзорѣ реакціи имъ поэтому нѣтъ мѣста.

*) Мы строго различаемъ понятія реакціонности и консерватизма. Въ чемъ ихъ различіе—это ясно для каждаго; не вошло лишь въ обычай проводить это различіе, останавливать на немъ вниманіе. Между тѣмъ это можетъ вести къ недоразумѣніямъ. Есть, напр., тенденція смѣшивать съ реакціонными партіями „Союзъ 17 окт."—эту типично-консервативную партію (см., напр., Петрищевъ, „Орденъ черныхъ рыцарей" „Нар. соц. обозрѣніе вып. II, стр. 33). Консерватизмъ именно отстаиваетъ status quo — конечно, въ смыслѣ основныхъ соціально-политическихъ устоевъ порядка, допускающихъ въ своихъ предѣлахъ нѣкоторыя варіаціи, измѣнчивыя и случайныя административныя формы; таковы наши „Основные законы".

Реакція же отрицаетъ это status quo, стремится къ возврату назадъ, въ историческое прошлое. При этомъ однако консерватизмъ самъ собою является для нея какъ бы программой—minimum; чтобы повернуть колесо назадъ, надо сначала остановить его, затормозить ходъ впередъ: отсюда понятная склонность ихъ къ временному союзу на почвѣ этой программы. Вотъ почему даже нѣкоторыя совмѣстныя дѣйствія съ „крайними правыми" не даютъ основанія считать такія партіи, какъ „Союзъ 17 окт.", реакціонными; это было бы такъ же неосновательно, какъ причисленіе соціалъ-демократовъ къ демократическому либерализму, въ случаѣ выборныхъ соглашеній съ кадетами.

III.

Въ началѣ этой статьи мы указали главные общественные слои, которые являются сознательными и заинтересованными носителями нашей реакціи: это во-первыхъ, крупновладѣльческіе классы, особенно поземельный, и затѣмъ профессіональныя группы, отчасти вербующіяся изъ нихъ же: правительственная высшая бюрократія, администрація съ полиціей (и офицерствомъ) и, наконецъ, духовенство. Въ ходѣ нашей общественной борьбы эти силы и группы выступили на общественную почву не въ одно и то же время и не въ одинаковыхъ формахъ. Раньше всѣхъ мы видимъ эти попытки—и въ довольно оригинальной формѣ—въ средѣ высшей бюрократіи, въ тѣхъ замкнутыхъ, оторванныхъ отъ народной жизни „сферахъ", гдѣ царствуетъ эта темная и хищная камарилья, гдѣ гнѣздится тайное правительство и дѣлается, между прочимъ, также и оффиціальная политика. Почему именно здѣсь возникли первыя попытки этого рода—вполнѣ понятно.

Самодержавіе, отрицавшее всякія политическія права за населеніемъ, тѣмъ самымъ отрицало образованіе какихъ бы то ни было партій, самый принципъ партійности. Никакой общественной силѣ, политически самодѣятельной, не было мѣста въ режимѣ. Но то, что было возможно ранѣе, въ эпоху неразвитыхъ соціальныхъ и политическихъ отношеній, становилось все труднѣе въ послѣдующее время. По мѣрѣ разрастанія новыхъ общественныхъ слоевъ, оппозиціонныхъ политически, все болѣе чувствовалась въ правящихъ сферахъ необходимость противопоставить этой растущей общественной силѣ такую же общественную реакціонную массу. Но кто же могъ осуществить такую попытку въ обществѣ, лишенномъ самодѣятельности?—Единственная самодѣятельная группа, располагавшая къ тому же огромными средствами и организаціей: это правительство. Оно и вступило на эту почву политической партійной организаціи — вступило вопреки принципіальнымъ условіямъ режима.

Это означало, конечно, упадокъ самодержавія, какъ политическаго режима. Въ своемъ чистомъ видѣ оно, при

новыхъ общественныхъ условіяхъ, перестаетъ удовлетворять потребности въ самозащитѣ тѣхъ **соціальныхъ** группъ и интересовъ, которымъ оно служило раньше. Спасая себя, эти группы вынуждены уже нарушать принципы собственнаго стараго порядка; матеріальные групповые интересы стали отдѣляться отъ политической оболочки.

Но, конечно, обнаруженіе этого противорѣчія, этого нарушенія принциповъ самими пѣстунами законности представляло новую опасность; отсюда—**тайный** характеръ партійной дѣятельности правящихъ сферъ.

Такимъ образомъ, уже начиная съ 80-хъ годовъ мы постоянно наталкиваемся на существованіе разныхъ полуправительственныхъ конспиративныхъ кружковъ, преслѣдующихъ „патріотическія" цѣли охраны, сыска, специфической пропаганды, уличныхъ расправъ съ крамольниками и еврейскихъ погромовъ.

Къ сожалѣнію, режимъ, создавшій эту заговорщицкую атмосферу, не настолько еще отошелъ въ область прошлаго, чтобы было возможно теперь же вскрыть эти мрачныя тайны его подполья, вынести на свѣтъ секретные архивные матеріалы его охранныхъ учрежденій. Въ то время, какъ революція открыто публикуетъ всѣ свои тайны прошлаго, выноситъ ихъ при первомъ случаѣ на судъ общественной совѣсти, режимъ, оберегая передъ кѣмъ-то фикцію „законности" своихъ дѣйствій, все еще ревниво прячетъ древнюю исторію своей тайной дѣятельности. Мы поэтому мало знаемъ объ этихъ организаціяхъ, о ихъ размѣрахъ, составѣ и успѣхахъ. Но и тѣ немногія свѣдѣнія, которыя случайно имѣются, позволяютъ составить себѣ нѣкоторое представленіе—хотя бы въ общихъ и чисто качественныхъ штрихахъ.

Помимо тайныхъ сообществъ, ставившихъ себѣ болѣе узкія цѣли придворной лейбъ-охраны (какъ „Тайная лига по охранѣ"... и пр.), мы видимъ въ началѣ 80-хъ годовъ патріотическую „Священную лигу". Одной изъ главныхъ ея задачъ была борьба съ революціоннымъ терроромъ, что составляло спеціальность одного изъ ея отдѣловъ („Общество борьбы съ терроромъ"). Лига усердно старалась привлечь къ себѣ воз-

можно больше членовъ, обѣщая (и выполняя) помощь въ прiисканiи занятiй и даже просто выдавая денежныя субсидiи. По странному недоразумѣнiю, одно изъ такихъ приглашенiй было прислано Н. К. Михайловскому... Лига была построена, кажется, по образцу старыхъ масонскихъ ложъ съ градацiями искуса и довѣрiя, съ членами „дѣйствительными“ и „сотрудниками“, съ разными степенями посвященiя и... оплаты. Что касается цѣлей, то въ этомъ отношенiи Лига была, повидимому, аналогична такимъ современнымъ черносотеннымъ организацiямъ, какъ „Союзъ активной борьбы съ революцiей“ или даже „Каморра народной расправы“—такъ какъ Лига, афишируя передъ непосвященными и „сотрудниками“ лишь легальныя средства борьбы, выносила иногда и смертные приговоры (какъ, напр., кн. Крапоткину, см. „Записки“). Аналогiя доходитъ даже до тождества эмблемы этой Лиги со „значкомъ“ нашего „Союза Русскаго народа“—включающаго въ себя „Союзъ активной борьбы“.

Правительственный характеръ подобныхъ организацiй— внѣ всякаго сомнѣнiя. На это указываютъ даже нѣкоторыя документальныя данныя. Такъ, въ 1883 г. сибирскiе начальники жандармскихъ управленiй получили отъ директора департамента полицiи В. К. Плеве секретныя предложенiя вступить въ нѣкое „тайное сообщество“, по цѣлямъ весьма напоминающее „Священную лигу“; достаточно сказать, что однимъ изъ условiй вступленiя въ него ставилось снятiе мундира, такъ какъ признавалось, что безъ этого профессiональнаго одѣянiя цѣли сообщества могутъ быть осуществляемы лучше *)...

Гораздо болѣе извѣстно публикѣ, особенно московской, существованiе другой организацiи, относившейся къ личной охранѣ и вербовавшейся преимущественно въ средѣ знаменитыхъ охотнорядцевъ. Была ли эта организацiя постоянной, неизвѣстно; до обывателя доходили только уже полуоффицiальныя ея дѣйствiя, когда ко времени Высочайшихъ прiѣздовъ набиралась дружина патрiотическихъ полушубковъ.

*) Всѣ эти данныя заимствованы изъ упомянутой статьи Петрищева „Орденъ черныхъ рыцарей“.

Но если принять во вниманіе, что для этого былъ необходимъ долгій предварительный искусъ и отборъ, то надежнѣе предполагать постоянство организаціи. По крайней мѣрѣ, внѣшнія проявленія ея патріотизма не всегда совпадали съ упомянутыми торжественными случаями; достаточно вспомнить хотя бы извѣстное массовое избіеніе студентовъ молодцами Охотнаго ряда въ началѣ 80-хъ годовъ, неоднократно затѣмъ повторенное.

Впрочемъ, эта связь между оффиціально организованнымъ патріотизмомъ и уличнымъ насиліемъ едва ли ограничивалась такимъ узкимъ райономъ: серія еврейскихъ погромовъ тѣхъ же 80-хъ годовъ должна быть несомнѣнно поставлена въ связь съ подпольными интригами правительственной среды, какъ это явно имѣло мѣсто впослѣдствіи въ погромахъ 1903 г., а затѣмъ и въ наше революціонное время. Мало того: надо думать, что тогда мѣра казеннаго участія была даже большей, такъ какъ помощниковъ со стороны, изъ „общества" было гораздо меньше. Кружки были очень малочисленны, состояли изъ лицъ, служившихъ по найму и подкупу или вовлеченныхъ, по своей темнотѣ, въ обманъ. Послѣдніе вербовались изъ слоевъ, наиболѣе воспріимчивыхъ къ этому по своей соціальной неосмысленности и низкому культурному уровню: это были обыкновенно сидѣльцы, мелкіе торговцы, дворники и т. п. Но если были немногочисленны э т и вольныя патріотическія дружины и кружки, то многочисленный штатъ администраціи и полиціи представлялъ очень близкую и удобную среду для патріотической пропаганды и партійной организаціи. Въ ней и осуществлялись, какъ мы видѣли, первыя попытки этого рода, цѣлью которыхъ было противопоставить революціоннымъ элементамъ нетолько чиновниковъ съ ихъ казеннымъ отношеніемъ къ дѣлу, чисто формальнымъ выполненіемъ служебныхъ обязанностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и особыя группы людей, дѣйствительно преданныхъ дѣлу, его любителей и фанатиковъ. Центромъ этихъ организаціонныхъ попытокъ было министерство внутреннихъ дѣлъ, особенно его департаментъ полиціи, когда во главѣ его стоялъ Плеве.

Такимъ образомъ, уже въ этотъ періодъ подпольной

реакціонной организаціи мы видимъ вовлеченными въ нее два общественныхъ слоя: правительственную бюрократію и административно-полицейскіе кадры. Въ то же время изъ мрака заговорщицкой конспираціи постоянно выдѣлялись и легальные поборники реакціи. Они держали за казенный счетъ органы охранительной прессы или занимались издательствомъ за тотъ же счетъ и распространеніемъ брошюръ, патріотическаго или антисемитическаго характера. Таковы: Грингмутъ въ Москвѣ, Комаровъ, кн. Мещерскій, ген. Богдановичъ—въ Петербургѣ, Юзефовичъ и Пихно въ Кіевѣ, Величко въ Тифлисѣ, Крушеванъ въ Кишиневѣ и пр. Этой стороной своей дѣятельности реакція дѣлала попытку воспитывать общественное мнѣніе въ желательномъ смыслѣ, создать себѣ популярность въ *массахъ*.

Но если она еще могла развивать болѣе или менѣе широко свою литературную пропаганду, то въ дѣлѣ партійной организаціи она, при своихъ конспиративныхъ пріемахъ, не могла быстро подвигаться впередъ: подполье, какъ извѣстно, мало удобно для созданія массовыхъ партій. Дѣйствительно: всѣ эти „Священныя лиги" и „сообщества" могли еще удовлетворять создавшую ее правящую среду да административныя сферы; но объединить реакціонныя массы—помѣщиковъ, крупной буржуазіи, духовенства они, конечно, не могли. Этимъ элементамъ здѣсь не было мѣста, ихъ политическая самодѣятельность не имѣла исхода.

Да впрочемъ, эта самодѣятельность была въ то время крайне слаба. Классовые и сословные интересы этихъ группъ достаточно сильно и надежно охранялись самодержавіемъ, которому, казалось, еще ничто не угрожало серьезно. Безпокоиться было не о чемъ, инстинктъ самосохраненія, пробуждающій самодѣятельность, ниоткуда не получалъ толчка. На стражѣ интересовъ еще прочно стояло правительство и его широкая полицейская организація; они и создали первые политическіе кружки.

Такимъ образомъ въ этотъ начальный періодъ реакціонной партійной группировки кружки состояли главнымъ образомъ изъ людей двухъ упомянутыхъ категорій, носили характеръ *бюрократическо-полицейскій*, и цѣли,

которыя они преслѣдовали, состояли почти исключительно въ охранѣ политическаго режима безъ значительныхъ примѣсей соціальныхъ задачъ. Довольно характерное идеологическое выраженіе этой ранней стадіи реакціоннаго политиканства представляли „Моск. Вѣдом.", собравшія впослѣдствіи вокругъ себя т. н. „Монархическую партію"; и до сихъ поръ еще эти черты бюрократизма, аристократизма и полицейской тенденціи составляютъ ихъ отличительныя свойства среди другихъ реакціонныхъ направленій.

По мѣрѣ сгущенія общественной атмосферы въ послѣднее десятилѣтіе режимъ все болѣе сталъ обнаруживать свою непрочность. И вмѣстѣ съ тѣмъ неувѣренность и тревога стали овладѣвать тѣми господствующими общественными группами, которыя раньше спокойно спали подъ охраной самодержавія. Сторожъ оказывался ненадежнымъ, инстинктъ подсказывалъ необходимость самозащиты. И такъ какъ та же неувѣренность и тотъ же инстинктъ проявились и въ правящихъ группахъ, то понятнымъ послѣдствіемъ этого было усиленное стремленіе къ объединенію, сплоченію въ общей охранительной работѣ: соціальные интересы классовъ и политическіе интересы бюрократическихъ группъ, взаимно обусловливая другъ друга, должны были объединить всѣ реакціонныя силы въ одно цѣлое. Охранительная политическая организація должна была втянуть въ себя всѣ классы и группы, интересующіяся такъ или иначе старымъ порядкомъ. Но для этого организаціи должны были выйти изъ подполья, что было невозможно въ открытой формѣ: онѣ появились поэтому въ симулированномъ видѣ, подъ другими вывѣсками.

Самой ранней изъ такихъ открытыхъ группировокъ было „Русское Собраніе", основанное въ ноябрѣ 1900 г. Въ составъ его входятъ уже лица изъ различныхъ реакціонныхъ слоевъ: наряду съ правительственными и административно-полицейскими элементами, мы видимъ здѣсь и помѣщиковъ, и буржуа, и духовныхъ лицъ *). Общественнаго

*) Число членовъ Собранія достигало, по даннымъ его оффиціальнаго органа, 1500 чел. Приведемъ нѣкоторыя имена: д. ст. с.

смысла этого объединенія мы не узнаемъ изъ его устава, ибо оффиціальныя цѣли Собранія были:

„Ознакомить общество со всѣмъ, что сдѣлано важнаго и своеобразнаго русскими людьми во всѣхъ областяхъ научнаго и художественнаго творчества. Русское живописное и звуковое искусство должно быть постояннымъ источникомъ нашихъ бесѣдъ и общественныхъ удовольствій. Русское зодчество должно украшать русскій домъ, въ которомъ современемъ будетъ помѣщаться Русское Собраніе. Наконецъ, русская одежда, приведенная художественнымъ вкусомъ къ удовлетворенію потребностей настоящаго времени, должна появиться сначала на праздничныхъ вечерахъ Собранія, а потомъ выйти за его предѣлы“ *).

Какъ видимъ, невозможность открытой политической позиціи при самодержавіи придала обществу культуртрегерскій характеръ. Начавшаяся революція сбросила эту идиллическую видимость, заставила отстаивать, вмѣсто русской поддевки, русское самодержавіе: общество стало политическимъ.

Уже въ декабрѣ 1904 г., въ смутное время, послѣдовавшее за „довѣріемъ“ князя Мирскаго, Р. С. выступило съ политическимъ адресомъ, положившимъ начало открытому общественному выступленію реакціи:

«Благочестивый Государь!»—гласилъ адресъ:—«Русское Собраніе возникло въ тѣ дни, когда обозначилась для русскихъ людей необходимость сплотиться ради мирной работы и духовнаго противодѣйствія чуждымъ нашему общественному укладу теченіямъ... Въ духовномъ единеніи со всѣми истинно-русскими людьми Р. С. знаетъ, что мощь нашей родины зиждется на нераздѣльныхъ святыняхъ Православія, Самодержавія и Народности»...

Послѣ этого Р. С. становится чисто политическимъ обществомъ съ собственными провинціальными отдѣлами—впрочемъ, «далеко неполными», по признанію самихъ «Моск. Вѣдом.».

Въ описываемое время голосъ Р. С. звучалъ одиноко; онъ былъ, по признанію «Московск. Вѣдом.», «рѣзкимъ диссонансомъ въ прогрессивномъ концертѣ». Это значило, что общественная реакція еще не была организована, Р. С. было единственной открытой ея группой. Что же касается

князь Голицынъ, ген.-майоръ Золотаревъ, д. ст. с. кн. Мордвиновъ, кн. Волконскій, Н. Энгельгартъ, протоіер. Александровъ и др.

*) „Извѣстія Русск. Собр.“ № 1, 1903 г.

конспиративной правительственной машины, то, со смертью ея главнаго творца и вдохновителя (Плеве), она пока бездѣйствовала, тѣмъ болѣе, что «сферы», ею руководившія, еще не оправились отъ ошеломляющихъ извѣстій о военномъ разгромѣ и поднимающейся общественной бурѣ; то было время недоумѣнія, а не «практической политики». Министерство Святополка-Мирскаго, выставленное правящими кругами, было наглядным выраженіемъ этого ихъ настроенія.

Первый шагъ массовой революціи, встрѣченный пулями 9 янв. 1905 г., обострилъ политическое положеніе. Онъ далъ сильный толчекъ общественному возбужденію, разлилъ его широкой рѣкой въ массы и создалъ новыя, еше болѣе внушительныя опасности режиму. Это вынуждаетъ реакціонныя силы къ дальнѣйшей мобилизаціи. Въ 20-хъ числахъ января мы видимъ Московское Губ. Дворянское Собраніе, принявшее рѣзко-реакціонный адресъ Самаринской группы. Соотвѣтственно характеру момента съ его центральнымъ лозунгомъ «конституція!», адресъ носилъ чисто политическій характеръ; помимо шовинизма, онъ выставлялъ принципъ нерушимости самодержавія и отвергалъ своевременность какихъ бы то ни было реформъ...

Одновременно дѣлается и другая попытка массовой организаціи охранителей, причемъ въ роли организатора выступаетъ уже высшее духовенство. 30-го янв. въ Москвѣ, при князе-Владимірскомъ храмѣ состоялось подъ предсѣд. епископа Серафима открытіе перваго «Общества Хоругвеносцевъ»; оно состояло изъ духовныхъ лицъ и мірянъ, наиболѣе ревностныхъ въ дѣлахъ вѣры и благонамѣренности. По примѣру этого общества начали вскорѣ образовываться подобные же кружки и при другихъ московскихъ соборахъ, такъ что впослѣдствіи охранительная пресса насчитывала ихъ общее число членовъ до 8,000 чел. Оффиціальныя цѣли кружковъ, подобно Русскому Собранію, еще не носятъ открыто политическаго характера. Лишь въ послѣдующемъ ходѣ революціи обнаруживается ихъ политическая сущность: хоругвеносцы вошли потомъ въ знаменитый «Союзъ русскаго народа». Реакція еще не вездѣ рѣшается въ это время становиться явно на почву

политической партійности, такъ какъ это принципіально противорѣчило режиму.

Такимъ образомъ къ этому времени мы видимъ, какъ выступаютъ на арену политической самодѣятельности одинъ за другимъ господствующіе слои стараго порядка: дворянство, духовенство; послѣднее пытается даже вести за собой массы.

Но всѣ эти проявленія носятъ еще относительно мирный, вѣрнѣе, теоретическій характеръ. Реакція обостряется, когда общественное возбужденіе, вызванное 9-мъ января, выливается въ январѣ, февралѣ и мартѣ въ сильныя крестьянскія волненія (Сарат., Орловск., Черниг. губ.) и почти повсемѣстное забастовочное движеніе рабочихъ. Вызванный этимъ рескриптъ 18 февраля сопровождался однако манифестомъ, призывавшимъ къ борьбѣ съ крамолой словомъ и дѣломъ. Борьба, очевидно, дошла до такой уступки, на которой хотѣли остановиться и укрѣпиться вооруженнымъ лагеремъ; туда и призывали всѣхъ лойяльныхъ добровольцевъ страны. Мобилизація реакціонныхъ силъ и ихъ энергія послѣ этого сильно повышаются. Къ этому же времени, повидимому, вновь наладилась старая конспиративная организація въ правительственныхъ верхахъ; на это указываетъ масса черносотенныхъ прокламацій, проникшихъ въ то время въ провинцію изъ Петербурга*), и дѣятельная роль высшей и мѣстной администраціи въ составленіи патріотическихъ «дружинъ» и черныхъ сотенъ. Имъ же принадлежало и руководство начавшимися спорадически дѣйствіями, какъ это повсюду видно изъ самой ихъ обстановки и состава дѣятелей.

Дѣйствительно, въ это время въ цѣломъ рядѣ городовъ разыгрываются черносотенныя расправы. 6 февр. въ Казани

---

*) Приведемъ одну изъ нихъ, присланную въ большомъ количествѣ въ Тверь. Прокламація очень энергично приглашала патріотовъ «разнести въ клочья интеллигенцію»: «Довольно терпѣть эту интеллигентную шваль! Соединимся же въ кружки, составимъ списки всѣмъ крамольникамъ и бунтовщикамъ въ городахъ и селахъ, и будемъ бить ихъ, кому какъ и чѣмъ удобнѣе: ночью, изъ-за угла, черезъ окна... Противъ негодяевъ всѣ средства хороши». Прокламація безъ обозначенія типографіи.

банды лабазниковъ ловятъ и бьютъ на улицахъ студентовъ. Въ Курскѣ, Вологдѣ, Псковѣ, Рязани, Баку происходятъ избіенія учащихся. При этомъ, напр., въ Псковѣ «полиція ходила по Обжорному ряду и набирала кучку охотниковъ бить гимназистовъ». «Началось съ атаки псковскихъ извозчиковъ... За ними слѣдовали регулярные ряды легко-вооруженныхъ пожарныхъ полушубковъ, всѣ съ одинаковыми бѣлыми дубинками. Каждымъ отрядомъ командовалъ городовой, шедшій впереди толпы»... и т. д. «Послѣ побѣдоноснаго дня бойцы расположились бивуакомъ у главнаго штаба, зданія полиціи, и здѣсь, дружески раскуривая папиросы съ полицейскими приставами, перебирали недавніе подвиги. Потомъ войска были распущены по домамъ милостивымъ разрѣшеніемъ одного изъ приставовъ: «ступайте, ребята, вы намъ больше не нужны!» «Нѣкоторые изъ бойцовъ высказывали потомъ свое недовольство полиціей за недобросовѣстную расплату: ладили по 50 коп., а дали по 30» *).

Аналогичныя явленія наблюдались и въ другихъ городахъ. Но если въ этихъ расправахъ еще можетъ итти рѣчь о большемъ или меньшемъ участіи полицейскихъ силъ, то такіе факты, какъ образованіе патріотическихъ дружинъ, часто въ очень глухихъ и некультурныхъ пунктахъ **), должны быть почти всецѣло объяснены ихъ дѣятельностью. Такъ было примѣнено давнее политическое воспитаніе, полученное провинціальными кадрами полиціи изъ высшихъ правительственныхъ круговъ Петербурга.

Но уже и на этой стадіи контръ-революціоннаго процесса выясняется другая его сторона: это своего рода раздѣленіе труда между разными группами стараго порядка, бросившимися въ политическую борьбу. Въ то время, какъ бюрократія, дворянство и духовенство берутъ на себя «чистую» работу по реакціонной пропагандѣ и погромной агитаціи, административно-полицейскіе слои, особенно средніе и низшіе, совмѣстно съ привлеченной чернью, выполняютъ

*) «Право», 1905, №№ 13, 14.

**) Напр., село Лопатино Сарат. губ.

болѣе черную, боевую часть, лично участвуя въ избіеніяхъ, а затѣмъ вскорѣ и въ погромахъ.

Впрочемъ, количество привлеченной къ дѣлу черни въ это время еще очень невелико, да и самый способъ привлеченія—путемъ прямого найма и давленія полиціи на мелкую сошку мѣщанства—отличаются крайней грубостью и внѣшнимъ, механическимъ характеромъ. Очевидно, широкая волна классоваго экономическаго движенія въ городахъ и деревняхъ оставляла на долю реакціонныхъ просвѣтителей лишь очень небольшіе обывательскіе кадры. Это обратное соотношеніе между широтой классоваго движенія массъ и степенью ихъ вовлеченія въ реакціонное дѣло будетъ не одинъ разъ встрѣчено нами и въ послѣдующемъ. Такимъ образомъ, февраль и мартъ 1905 г. были временемъ только первыхъ предварительныхъ шаговъ реакціи на общественной почвѣ послѣ долгаго прозябанія въ узкихъ конспиративныхъ рамкахъ при Плеве и двуличнаго, вынужденно-мирнаго существованія въ оффиціальныхъ культуртрегерскихъ обществахъ (Русск. Собраніе, Хоругвеносцы). Ея общественные кадры еще крайне малочисленны, и тамъ, гдѣ она выступаетъ на улицу, непосредственнымъ руководителямъ—полиціи и агентамъ—приходится въ значительной мѣрѣ представлять собою и «народную» толпу; организаторская роль этихъ слоевъ еще очень плохо заслоняется инсценированной публикой. Зато «идейная» пропаганда, воспитаніе впервые ставятся на широкую, «народную» почву. Это—время прокламацій, подметныхъ писемъ, патріотическихъ листковъ, брошюръ и основанія «черныхъ» газетъ. Потребность въ широкой партійной организаціи была однако на первомъ планѣ. Рескриптъ 18 февр., объявившій совѣщательное народное представительство, придалъ этой потребности новую силу и вмѣстѣ—законную почву. Недаромъ и большинство съѣзда предводителей дворянства, собравшагося въ 20-хъ числахъ марта, милостиво признало этотъ коррективъ къ бюрократическому самодержавію. Дѣйствительно, уже съ конца марта начинается реакціонное партійное строительство.

Ранѣе всѣхъ организовалась, естественно, группа, из-

давна стоявшая близко къ правительственнымъ кругамъ и отчасти принимавшая участіе въ ихъ старой конспираціи, а потомъ въ «Русскомъ Собраніи». Это — «Монархическая партія», образовавшаяся въ началѣ апрѣля вокругъ «Московскихъ Вѣдомостей» послѣ ихъ усиленной и продолжительной агитаціи въ этомъ направленіи. Почти въ то же время, по иниціативѣ московскаго дворянства, во главѣ съ звенигородскимъ предводителемъ гр. Петромъ Шереметьевымъ, возникаетъ въ послѣднихъ числахъ марта т. н. «Шереметьевскій кружокъ», превратившійся въ скоромъ времени въ «Союзъ русскихъ людей».

Здѣсь мы должны остановиться, чтобы выяснить себѣ сущность и индивидуальныя физіономіи этихъ двухъ партій, ставшихъ въ 1905 г. главными центрами партійной организаціи, къ которымъ примкнула на это время большая часть многочисленныхъ мелкихъ охранительныхъ группъ.

Дѣло въ томъ, что въ прогрессивныхъ кругахъ общества чрезвычайно мало развито это пониманіе внутреннихъ различій въ реакціонномъ лагерѣ. Какъ извѣстно, реакціонеры платятъ тѣмъ же—и даже въ большей мѣрѣ—въ отношеніи къ прогрессивнымъ теченіямъ: въ ихъ глазахъ чрезвычайно различныя и противорѣчивыя по методамъ и цѣлямъ движенія—оппозиціонныя, революціонныя и анархическія—сливаются во что-то цѣлое, однозначное. Здѣсь имѣетъ мѣсто, очевидно, тотъ психологическій законъ, въ силу котораго детальность пониманія типовъ обратна близости ихъ къ психикѣ наблюдателя; это тотъ законъ, который такъ ярко проявлялся еще въ отзывахъ европейскихъ миссіонеровъ о дикаряхъ: эти дикари, ихъ личности и групповые обычаи представлялись имъ почти тожественными... Совершенно такъ же, какъ эти миссіонеры относились къ дикарямъ, относимся обыкновенно и мы къ своимъ «истинно-русскимъ». *) Между тѣмъ индивидуальныя различія партій въ этой средѣ несомнѣнно существуютъ, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ въ прогрессивномъ лагерѣ; это, оче-

*) См., напр., упомянутую статью Петрищева, «Орденъ черныхъ рыцарей».

видно, въ силу того, что общій духовный типъ первыхъ значительно ниже, а низшая духовная ступень всегда сопровождается слабостью дифференцировки, индивидуализаціи.

Но, конечно, и тѣ индивидуальныя различія, которыя здѣсь существуютъ, менѣе всего проявляются въ политической практикѣ раціональныхъ партій, въ ихъ методахъ борьбы. Чтобы видѣть ихъ, мы должны обратиться къ ихъ идеологіи, къ программамъ, постановленіямъ и еще лучше—къ конкретной пропагандѣ по текущимъ вопросамъ политики.

Начнемъ съ Монархической партіи. Задачи ея опредѣлены старымъ лейбъ-органомъ слѣдующимъ образомъ: 1) подавленіе смуты; 2) поддержка возможной правительственной диктатуры; 3) послѣ всего этого реформы въ духѣ: самодержавія, православія и народности („М. В.“ 1905, 109) Эти послѣдніе пункты и составляютъ собственно принципіальную позицію партіи. Но, какъ видимъ, въ этой формѣ она еще ничего не даетъ для опредѣленія индивидуальности партіи среди другихъ реакціонныхъ организацій; эти пункты представляютъ шаблонъ, общее для нихъ всѣхъ мѣсто. Нужныя намъ черты выступаютъ лишь въ дальнѣйшемъ, болѣе детальномъ развитіи партійнаго міровоззрѣнія.

На первомъ мѣстѣ здѣсь надо поставить отрицательное отношеніе партіи къ принципу народнаго представительства вообще:

„Монархическая партія самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ всякое выборное учрежденіе, которое могло бы присвоить себѣ значеніе „представительства народа“, „голоса“ или „мнѣнія“ народа. Помимо того, что подобное значеніе, приписываемое западнымъ парламентамъ, является совершенно ложной фикціей—такая фикція создала бы въ Россіи первый поводъ къ расколу между народомъ и Царемъ—къ расколу, который повелъ бы къ враждѣ и борьбѣ между ними, а, слѣдовательно, и крушенію Самодержавія въ Россіи“ (М. В. 1905, 134).

Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „Въ какую бы внѣшнюю форму ни облекалось выборное начало, какъ политическое начало,—учрежденія политическаго характера, порожденныя этимъ принципомъ, окажутся всегда въ непримиримомъ

противорѣчіи съ началомъ русскаго самодержавнаго строя" (М. В. 1904, 349).

Итакъ, передъ нами—безусловное отрицаніе всякаго народнаго политическаго представительства, отрицаніе, облеченное притомъ въ очень характерную аргументацію, обнаруживающую значительный реализмъ направленія. Это—убѣжденіе въ томъ, что разъ будетъ какое бы то ни было представительство, оно неизбѣжно вступитъ въ борьбу съ самодержавіемъ и погубитъ его. Это—убѣжденіе въ полной несовмѣстимости самодержавія съ малѣйшимъ выраженіемъ народнаго политическаго творчества, сознаніе принципіальной цѣлостности, недѣлимости режима. Или полное самодержавіе, или отсутствіе его: не можетъ быть никакихъ среднихъ формъ, никакихъ политическихъ уступокъ въ самодержавіи; режимъ неспособенъ къ нимъ по самой природѣ своей. Чтобы оцѣнить весь реализмъ этой мысли—выраженной нѣкогда въ извѣстной запискѣ С. Ю. Витте при полемикѣ съ Горемыкинымъ—надо вспомнить, какъ мало и туго входила она въ сознаніе правящихъ сферъ: положеніе о Думѣ 6 авг., автономія университета, зубатовщина—эти уступки самодержавія—носили именно такой ирраціональный характеръ. Это, какъ извѣстно, вскорѣ же сказалось въ ихъ судьбѣ: въ упраздненіи положенія 6 авг. вмѣстѣ съ самодержавіемъ, въ быстромъ крушеніи зубатовщины и въ полномъ разстройствѣ автономной университетской жизни подъ напоромъ несвободной общественности. Всякій булавочный проколъ неизбѣжно превращается въ брешь, въ открытую дверь для дальнѣйшаго движенія къ раціональной общественной формѣ.

Изложенная точка зрѣнія безусловнаго отрицанія всякаго, даже совѣщательнаго, даже просто освѣдомляющаго народнаго представительства или земскаго собора есть, какъ убѣдимся ниже, своеобразная черта одной Монархической партіи.

Другія данныя для ея характеристики найдемъ въ ея отношеніи къ бюрократизму. Въ то время какъ другія охранительныя партіи не упускаютъ случая выразить свое отрицательное отношеніе къ этой всѣми презираемой бю-

рократіи, монархисты „Моск. Вѣдомостей“ держатся иного взгляда: „Для Россіи вреденъ не бюрократическій строй, какъ таковой. Вреднымъ, пагубнымъ для государства средостѣніемъ между Верховной Властью и народомъ могутъ быть лишь самодовлѣющіе политическіе факторы, претендующіе на автономную роль“ (М. В. 1904, 349). Далѣе газета выясняетъ неизбѣжность бюрократизма при всякомъ истиннномъ самодержавіи и, слѣдовательно, нормальность этого явленія въ государственной жизни.

На основаніи приведенныхъ и нѣкоторыхъ другихъ чертъ направленія мы придемъ къ слѣдующему опредѣленію спеціальной позиціи монархистовъ этого типа. Это—„зависимая“ реакціонная позиція, задача которой—защищать старую правительственную систему и политическую и соціальную, т. е. крупновладѣльческую; защищать во всей ея полнотѣ со всѣми логическими и историческими послѣдствіями. Это—эхо самой отсталой правительственной среды, воспитанной на режимѣ Александра III, во времена наиболѣе законченной, наиболѣе послѣдовательной системы самодержавнаго режима съ его затхлой византійской идеологіей и солдатско-полицейской прозой *). Если вообще вся реакціонная печать наша носитъ охранительный характеръ, то „Московскія Вѣдомости“—эта черная, старо-правительственная рептилія—обладаетъ этимъ характеромъ въ наибольшей степени. Охрана, самая навязчивая, самая мелочная и крикливая—ея постоянная забота, ея спеціальность. Уши ея всегда подняты, она постоянно высматриваетъ, нюхаетъ и выслѣживаетъ; и въ то же время, непрерывно шаря на землѣ, она съ истинно-византійскимъ лицемѣріемъ обращаетъ взоры къ небесамъ: „слово“ преосвященнаго, полу-статья, полу-проповѣдь священника постоянно пестрятъ ея страницы наряду съ „умствованіями“ дикаго захолустнаго барина-помѣщика и доносами хорошо натасканнаго сыщика-публициста. Попъ, баринъ и жандармъ комбинируются здѣсь въ своихъ наиболѣе отжившихъ и отталкивающихъ типахъ.

*) Олицетвореніемъ общественнаго типа этой эпохи является политическая фигура Побѣдоносцева, эта мумія стараго порядка.

Такова «Монархическая партія»—самая правая и самая „аристократическая" изъ всѣхъ нашихъ организованныхъ охранительныхъ партій.

Нѣсколько иную среду встрѣчаемъ мы, переходя къ тому конгломерату кружковъ и лицъ, за которымъ упрочилось въ 1905 г. названіе „Союза русскихъ людей". Сюда входитъ значительная часть членовъ Русскаго Собранія, о которомъ уже шла рѣчь выше. Сюда же примыкаютъ наиболѣе ярыя націоналистскія и антисемитическія группы столицъ и провинціи; въ числѣ ихъ и знаменитая „Бессарабская патріотическая лига" съ Крушеваномъ во главѣ. Главную роль играетъ однако въ 1905 г. вышеупомянутый „Шереметьевскій кружокъ" *).

Весь этотъ конгломератъ сплотился окончательно лишь впослѣдствіи. Наиболѣе яркое и типичное идейное выраженіе получила эта среда въ изданіяхъ извѣстнаго С. Шарапова въ сотрудничествѣ кн. А. Щербатова: „Русское Дѣло" и „Пахарь".

Позиція русскихъ людей замѣтно отличается отъ того, что мы видѣли у монархистовъ „Моск. Вѣдомостей". Бюрократическое самодержавіе, защищаемое послѣдними, смѣняется здѣсь принципомъ національно-демократической абсолютной монархіи, непосредственно освѣдомленнаго патріархальнаго самодержавія. Прямое общеніе Царя и народа; отеческая благожелательная власть, чуткая къ „голосу земли" въ видѣ Земскаго Собора стараго типа—таковъ политическій идеалъ этого направленія. Естественно, оно не видитъ сколько-нибудь сноснаго осуществленія его въ текущей и въ недавно минувшей политической дѣйствительности. Направленіе не является поэтому чисто-охранительнымъ, строго „зависимымъ", правительственнымъ. Если политическій идеалъ „Моск. Вѣдомостей"—бюрократическое самодержавіе Александра III, то это направленіе видитъ свой идеалъ въ гораздо болѣе дале-

*) Впослѣдствіи, въ 1906 г. „Союзъ р. л." все болѣе стушевывается передъ Русск. Собраніемъ, а послѣднее передъ позднѣйшей организаціей—„Союзомъ русскаго народа".

комъ прошломъ, въ томъ натурально-хозяйственномъ патріархальномъ укладѣ Московскаго періода, о которомъ такъ удобно грезить теперь, на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ, при доброй дозѣ историческаго невѣжества. Но тѣмъ рѣзче бьетъ въ глаза отнюдь не патріархальный характеръ современнаго режима и современнаго правительства. Бюрократическое „средостѣніе" съ его полу-буржуазной, космополитической окраской возбуждаетъ въ этой средѣ крайнюю непріязнь. Чиновникъ, иностранная биржа, иностранные рынки и капиталы, европейская золотая валюта—все это встрѣчаетъ самую ожесточенную вражду и безцеремонную брань. И олицетвореніе этихъ буржуазно-бюрократическихъ тенденцій режима—городъ Петербургъ и графъ Витте—являются самыми ненавистными и презрѣнными объектами въ глазахъ этой прессы *).

Отрицая бюрократію, отстаивая прямое единеніе Царя съ народомъ, партія готова признать въ качествѣ освѣдомляющаго органа, выборное народное представительство въ видѣ Гос. Думы и Гос. Совѣта съ совѣщательной ролью „Земскаго Собора".

Мелкобуржуазный вульгарно-демократическій націонализмъ, глубоко реакціонный и утопическій по существу—такова основная позиція партіи **). Отсюда ея необычайный аггрессивный антисемитизмъ въ самыхъ дикихъ, погромныхъ его формахъ; отсюда ненависть къ крупно-буржуазнымъ формамъ жизни, къ ихъ космополитизму, или такимъ явленіямъ, какъ денежная система, которой противопоставляется „національная ассигнація"; отсюда же тяготѣніе къ идеализированному невѣжествомъ далекому прошлому, къ міру патріархальнаго натуральнаго хозяйства,

---

*) Вотъ еще любопытная мелкая черта, характеризующая различіе типа этой партіи отъ направленія „Моск. Вѣд.": это—отношеніе къ Петру I, виновнику технической европеизаціи и бюрократизма государственнаго строя. Это—герой для „Моск. Вѣд." и чуть не преступникъ для „Русскаго дѣла".

**) Близкія, хотя все же болѣе культурныя аналогіи ей мы находимъ въ извѣстной австрійской партіи Люэгера и во франц. націонализмѣ Дерулэда, Дрюмона и пр.

золотому вѣку мелкой собственности, неподвижнаго и разобщеннаго хозяйственнаго прозябанія. На отсталыя идейныя привычки этого строя, еще живущія въ нѣкоторыхъ темныхъ народныхъ слояхъ, и стремится опереться это направленіе. Оно именно играетъ на смутномъ демократизмѣ, враждѣ къ буржуазіи мелкаго обывателя и вмѣстѣ— на низшихъ, атавистическихъ чувствахъ и инстинктахъ невѣжественной массы, расовыхъ и національныхъ; оно эксплоатируетъ тотъ затхлый политическій фетишизмъ, который сохранился, подобно плесени, въ самыхъ темныхъ углахъ народнаго хозяйства. Отсюда его рѣзко выраженный демагогичный характеръ, стремленіе мобилизовать массовое невѣжество противъ растущей культуры, старые, отсталые классы прежняго экономическаго строя противъ новыхъ, прогрессивныхъ, низшій человѣческій типъ противъ высшаго, болѣе развитого.

Только теперь, послѣ обрисовки типа партіи, намъ будетъ понятна, какъ нѣчто до извѣстной степени индивидуальное, и ея оффиціальная платформа. Она слѣдующимъ образомъ опредѣлена „Шереметьевскимъ кружкомъ"—этой главной ячейкой „русскихъ людей":

«1) Россія и Самодержавіе нераздѣлимы.

2) Содѣйствіе установленію между престоломъ и народомъ тѣснаго и живого общенія на возвѣщенныхъ 18 февр. 1905 г. Государемъ Императоромъ основаніяхъ.

3) Противодѣйствіе всѣми законными средствами теченіямъ, стремящимся навязать Россіи чуждыя ей формы правленія.» Далѣе выставляется принципъ „постояннаго и тѣснаго общенія Верховной Власти съ землей чрезъ мѣстныхъ выборныхъ людей" *). Какъ видимъ, это—нѣчто въ родѣ Союза 18 февраля, истинный характеръ котораго однако можетъ быть понятъ лишь въ свѣтѣ предпосланной общей

*) См. первое воззваніе Шерем. кружка въ концѣ марта 1905 г. Мы могли бы привести лучшее, болѣе характерное выраженіе направленія: это—программа проектировавшейся «Русской народной партіи» (см. № 36 «Русск. Дѣла»). Но такъ какъ проекту не суждено было осуществиться и прожектеры остались въ рядахъ «Союза русскихъ людей», мы предпочли ссылаться на болѣе реальную, хотя и менѣе выразительную платформу.

обрисовки. Намъ остается набросать лишь нѣсколько конкретныхъ штриховъ, дающихъ выраженіе выясненной общей позиціи.

„Самодержавіе“ направленія хорошо характеризуется во всемъ своеобразіи направленія слѣдующимъ profession de foi:

«Идея Самодержавія живетъ въ плоти и крови огромнаго большинства русскаго народа. Интеллигенція ненавидитъ не Самодержавіе, о которомъ она, по своему невѣжеству, не имѣетъ никакого представленія, а ненавидитъ именно régime impérial bureaucratique, принимая его за самое подлинное Самодержавіе; и ненавидитъ совершенно справедливо, ибо гаже этой фальсификаціи ничего быть не можетъ. Возстановите же русское Самодержавіе въ его подлинномъ, историческомъ духѣ и принципіальной чистотѣ. Дайте ему современное техническое оборудованіе—и вы получите государство, въ тысячу разъ совершеннѣйшее, чѣмъ любое изъ парламентарныхъ государствъ, не исключая ни Англіи, ни Германіи, ни Соед. Штатовъ Сѣв. Ам. Въ этомъ государствѣ будетъ жить легко и вольно, силы оно будетъ необыкновенной, и каждая его отрасль, и вмѣстѣ и порознь, будутъ развиваться до самыхъ послѣднихъ предѣловъ сложности и тонкости благоустройства. Въ этотъ идеалъ увѣруетъ и предъ нимъ преклонится и наша интеллигенція, коль скоро отъ ея сердца отпадетъ обвившая его змѣя черной злобы. Одни евреи останутся вѣчными и непримиримыми врагами Самодержавія, ибо оно сразу парализуетъ ихъ усилія покорить себѣ Россію» («Русск. Д.» № 35, 1905).

Какъ видимъ, міровоззрѣніе (если предполагать его искреннимъ) представляетъ крайне примитивный историческій утопизмъ, непониманіе неизбѣжной связи самодержавія съ бюрократизмомъ на извѣстной стадіи народно-хозяйственнаго развитія, непониманіе тѣсной зависимости отъ этого же развитія политическихъ формъ (общественной самодѣятельности) и „техническаго оборудованія“. Въ то же время, такъ какъ съ этой утопіей связаны представленія о „легкой и вольной“ жизни—очевидно рѣзкое различіе этихъ воззрѣній отъ позиціи „Московск. Вѣдом.“ съ ихъ откровеннымъ политическимъ реализмомъ въ обоснованіи строго-полицейскаго режима.

„Православіе“ направленія проявляется въ томъ усиленномъ вниманіи, которое удѣляется вопросамъ церковнаго устройства и быта. Ввести въ церковь выборное начало, приблизить ее этимъ къ народнымъ массамъ, слить

съ общегражданской мѣстной организаціей (въ приходѣ)— словомъ, пропитать ея консерватизмомъ всю народную жизнь — такова задача направленія *). Въ концѣ концовъ и разрѣшеніе всего соціально-политическаго кризиса предлагается въ формѣ, носящей полуцерковный характеръ. Вотъ какую послѣдовательность предполагаетъ направленіе въ дѣлѣ устроенія земли русской: 1) созывъ архіерейскаго собора; 2) черезъ него — возстановленіе повсемѣстно церковныхъ общинъ — приходовъ; 3) приходскіе всесословные выборы въ уѣздныя земства; 4) избраніе этими послѣдними депутатовъ на Соборъ. Послѣдній, впрочемъ, пополняется и другими членами (отъ патріаршаго Синода, предводителей дворянства, университетовъ и пр.). При этомъ „окраины пока могутъ и не быть привлекаемы къ русскому домостроительству". Евреи же не должны имѣть тамъ мѣста безусловно. Здѣсь мы сталкиваемся съ тѣмъ комплексомъ идей дикаго фанатизма и нетерпимости, который обозначается въ реакціи принципомъ „народность". Крайнее, изувѣрское юдофобство есть навязчивая идея этого направленія; нѣтъ той клеветы, которую оно не пустило бы въ ходъ для своей травли; ни одинъ предлогъ, ни одинъ подходящій (и неподходящій) конкретный фактъ не остается неиспользованнымъ и необобщеннымъ до нелѣпости. Вмѣстѣ съ шовинистскимъ вопросомъ о продолженіи войны во что бы то ни стало, вопросъ о недопуще-

*) „Мѣстная" жизнь, жизнь захолустья особенно интересуетъ этихъ просвѣтителей. Лишь тамъ они надѣются найти себѣ опору. Это не значитъ, конечно, что „демократическое" направленіе стоитъ тамъ за демократію. Напротивъ, оно очень лойяльно въ отношеніи къ старымъ авторитетамъ „на мѣстахъ". Выборное начало въ церкви отнюдь не затрагиваетъ у него власти надъ ней существующихъ архіереевъ, являющихся, напротивъ, творцами реформы. Точно также дворянство оказывается способнымъ выражать голосъ всей земли (см. конецъ главы, о съѣздѣ 14—17 ноябр.).

Неудивительно при этомъ, что тяготѣніе къ „мѣстамъ", въ противоположность развращенному городу, очень здѣсь велико. Подобно кадетамъ, и реакціонеры ставятъ реформу мѣстнаго самоуправленія на первый планъ: „Возстановить нашъ исконный національный строй значитъ освободить и организовать земщину и увѣнчать ее освобожденной самодержавной властью Царя" (Русск. Д." 1906, № 46).

ніи евреевъ въ Думу подвергся своеобразной анкетѣ въ средѣ подписчиковъ „Русскаго Дѣла“ и „Пахаря“.

Уже въ этихъ предпріятіяхъ сквозитъ тенденція аппеллировать къ массѣ, найти въ ней опору себѣ. Въ другихъ случаяхъ это проявляется гораздо яснѣе.

Дѣйствительно, направленіе въ своей пропагандѣ постоянно ссылается на «народъ», на «80 милліоновъ пахарей»: народъ не хочетъ политической власти (а лишь «земскаго» совѣта), народу чужды, не «свычны» западныя формы парламентаризма. Мало того: и въ критикѣ парламентарныхъ системъ, и въ оппозиціи освободительнымъ теченіямъ — «интеллигентскимъ и еврейскимъ» — русскіе люди аппеллируютъ къ всенародному опросу, къ своего рода референдуму *); конечно, аппеллируютъ чисто теоретически, толкуя въ свою пользу возможныя послѣдствія такого референдума. Если при этомъ принять во вниманіе, что всякій процессъ политическаго развитія, сознанія массой своихъ интересовъ и правъ представляется направленію «развращеніемъ» народа, то возможно, что при отсутствіи этого разврата, въ «здоровой» средѣ оно и не ошиблось бы въ своихъ «демократическихъ» разсчетахъ.

Но насъ интересуетъ здѣсь лишь эта тенденція направленія—опираться на безсознательную массу, на невѣжество, выдать это послѣдствіе режима за его санкцію. Въ другихъ случаяхъ эта тенденція обращается въ прямую демагогію съ ея обычными вульгарными пріемами. Грубая лесть «народному» невѣжеству переплетается здѣсь съ игрой на низшихъ, докультурныхъ инстинктахъ и побужденіяхъ. При опросѣ о войнѣ—хотимъ ли «мы» постоять за вѣру и пр., или позорно сдаться врагу—редакція получаетъ безграмотнѣйшее письмо, въ которомъ нѣкій «Евтихиі Андреевичъ» выражаетъ желаніе «Битса саврагомъ завверу за царя и Атечиства и зарусь святую праваславнаю... хотяпъ и сию минута». Это приводитъ редакцію въ восторгъ: «Эта без-

*) Политическимъ выраженіемъ этихъ стремленій является здѣсь то, что „законодательной Думѣ“ существующаго порядка противопоставляется совѣщательный Земскій Соборъ—эта оригинальная реакціонная аналогія революціонному «Учредительному Собранію».

грамотность относится къ нашей школьной грамотности, какъ неотдѣланный бриллiантъ къ яркой и пошлой имитацiи... Этимъ святымъ народнымъ каракулямъ принадлежитъ почетное мѣсто сегодня»...—рядомъ со словами Царя („Русск. Д.“ 1905 г., № 30).

Очевидно, не менѣе святыя народныя свойства увидѣлъ журналъ и въ расправѣ черной сотни въ Нижнемъ въ iюнѣ 1905 г. Но здѣсь позицiя органа прiобрѣтаетъ куда болѣе опасный характеръ:

«Россiя русская начинаетъ просыпаться и довольно чувствительно «учить» Россiю интеллигентскую и еврейскую... Разумѣется, радикальныя и еврейскiя газеты заголосили на тему «хулигановъ», «черной сотни» и т. п. Но пробужденiя русскаго чувства въ оскорбленномъ народѣ скрыть не удастся... и авось хоть эта народная поднимающаяся волна усмиритъ нашихъ бунтарей и покажетъ воочiю, что для революцiи почва у насъ не въ народѣ, а развѣ... въ Петербургѣ.

Прибавимъ для поясненiя: въ этомъ «космополитическомъ, чуждомъ Россiи» Петербургѣ.

Точно такъ же встрѣчено и избiенiе въ Балашовѣ 21 iюля: «Итакъ, народное движенiе и контръ-революцiя начались. Нижнiй Н. далъ толчокъ. Патрiотическое, умное, здоровое народное движенiе растетъ»*). Теперь, надѣемся, вполнѣ ясна нетолько теоретическая, но и практическая позицiя партiи. Какъ нельзя болѣе подходитъ къ ней и типъ самого пророка народнаго невѣжества, центральная фигура истинно-русскаго пропагандиста «Русскаго Дѣла». Полуписатель, полу-дѣлецъ, самоувѣренный «народный» трибунъ и вмѣстѣ назойливый посѣтитель чиновничьихъ переднихъ и слезный проситель субсидiй, самоотверженный благодѣтель и вмѣстѣ ловкiй аферистъ, публицистъ-учитель и невѣжда—таковъ этотъ вождь-демагогъ, оракулъ наивной толпы, оставшейся за бортомъ общественнаго прогресса цѣлыхъ столѣтiй.

Мы охарактеризовали двѣ партiи**), возникшiя при первомъ открытомъ выступленiи реакцiи въ политической обще-

*) „Русск. Д.“ № 31.

**) Органы обѣихъ получали правительств. субсидiи въ разныхъ формахъ.

ственной борьбѣ. Какой смыслъ имѣетъ фактъ ихъ одновременнаго параллельнаго возникновенія? Это видно изъ данныхъ партiйныхъ характеристикъ. «Монархическая партія» по своему типу могла болѣе всего разсчитывать на привлеченіе въ реакціонный лагерь господствующихъ группъ стараго режима—«пѣнкоснимателей», по терминологіи великаго сатирика. Ея оффиціальный органъ («Моск. Вѣд.»)—это газета старой бюрократіи, живущей уже большею частью пенсіями, административно-полицейскихъ служакъ, крупныхъ «дикихъ» помѣщиковъ и высшаго духовенства. «Союзъ русскихъ людей» въ формулировкѣ Шарапова имѣетъ въ виду, напротивъ, болѣе демократичную публику, преимущественно изъ мелкихъ сошекъ режима въ провинціальной глуши: сельскій попъ, псаломщикъ, волостное крестьянское начальство, лавочникъ или трактирщикъ—вотъ публика «Русскаго Дѣла». Мы видимъ здѣсь такимъ образомъ не случайное сосуществованіе и конкуренцію органовъ близкаго направленія, а извѣстное раздѣленіе труда.

Возникновеніе обѣихъ этихъ партій относится, какъ мы говорили, къ началу апрѣля. Но это было именно лишь возникновеніе. Онѣ въ это время не объединяютъ еще безчисленныхъ охранительныхъ кружковъ, и дальнѣйшее наростаніе послѣднихъ продолжается еще въ прежней спорадической и безсвязной формѣ. Такъ, въ томъ же апрѣлѣ организуется окончательно и знаменитая «Бессарабская патріотическая лига» Крушевана, одна изъ старѣйшихъ черносотенныхъ группъ, «работавшая» въ неоформленномъ и неоффиціальномъ видѣ уже задолго до революціи *).

Оффиціальное рожденіе этого перла въ націоналистической реакціи произошло, можно сказать, въ походной об-

---

*) Ей, между прочимъ, обязаны своимъ возникновеніемъ еврейскіе погромы, прокатившіеся большой волной на югѣ въ 1903 г.

Очень характерна практическая платформа этой лиги: «б) возбужденіе въ массѣ враждебнаго отношенія къ агитаціонной дѣятельности членовъ револ. партій; г) сообщеніе полиціи о замѣченной преступной дѣятельности членовъ револ. партій и содѣйствіе къ обнаруженію государств. преступленій». Далѣе: «каждый изъ членовъ общества обязанъ по чистой совѣсти хранить полную тайну всего, относящагося до дѣлъ Лиги» (§ 10 устава).

становкѣ, среди шума и грома профессіональной «работы»: пасхальные дни середины апрѣля ознаменовались цѣлымъ рядомъ еврейскихъ погромовъ: въ Кишиневѣ, Мелитополѣ, Дусятахъ, Житомірѣ, Симферополѣ. Уже въ то время корреспондентамъ бросалась въ глаза одна характерная черта въ этихъ звѣриныхъ оргіяхъ: онѣ начинались довольно однообразно со «слуха» о к.-н. особенно отвратительномъ преступленіи евреевъ—слуха, упорно затѣмъ распространяемаго и обращавшагося, наконецъ, въ агитаціонный аргументъ. Слухъ, конечно, никогда не подтверждался, оказывался вымысломъ, но если это иногда и выяснялось, то уже послѣ погромовъ и убійствъ... Кто былъ обычнымъ авторомъ подобной тенденціозной клеветы?

Это вопросъ очень трудный, рѣдко разрѣшимый даже на мѣстѣ—вслѣдствіе его связи съ т. н. народнымъ творчествомъ, психологіей толпы. Но для пониманія явленія это и не такъ нужно: важно знать, кто занимался систематическимъ распространеніемъ этого слуха, его тенденціозной эксплоатаціей. А на это уже гораздо легче отвѣтить; печать имѣетъ то неудобство въ качествѣ средства погромной пропаганды, что составляетъ собою документъ: и такимъ сплошнымъ документомъ преступленій является на югѣ крушевановскій «Другъ»... Впрочемъ, при апрѣльскихъ погромахъ уже встрѣчаются маленькія, но очень характерныя обстоятельства, намекающія на нѣчто гораздо большее, чѣмъ причастность къ погромамъ мѣстной Бессарабской Лиги. Напр.: во время погромовъ въ оффиціозномъ «Правит. Вѣстникѣ» появилось слѣдующее неоффиціальное сообщеніе, тотчасъ однако разнесенное услужливымъ агентствомъ въ качествѣ оффиціальнаго: «8-го апрѣля толпа евреевъ до 300 чел. собралась за городомъ, въ казенномъ лѣсу близъ села Псище, гдѣ начались упражненія въ стрѣльбѣ изъ револьверовъ. Они позволяли себѣ стрѣлять въ портретъ Государя Императора. На протесты сбѣжавшихся мѣстныхъ крестьянъ евреи объяснили свое занятіе тѣмъ, что скоро евреи будутъ крестьянами править». Слухъ этотъ впослѣдствіи неоправдался, и даже мѣстныя правительственныя власти отозвались полнымъ невѣдѣніемъ о его

реальности... *) Какъ видимъ, уже этотъ фактъ открываетъ по вопросу о «причастности» весьма широкіе горизонты; къ счастью, они прояснились впослѣдствіи на основаніи болѣе капитальныхъ и точныхъ данныхъ по тому же общему вопросу. (Записка горнопромышленника Львова, разоблаченія кн. Урусова, докладъ Лопухина и др.).

Тѣ же апрѣльскіе погромы обнаружили и другую черту подобныхъ «народныхъ движеній»: въ силу крайней дикости привлекаемой къ нимъ публики, толпа, давъ волю своимъ звѣрскимъ инстинктамъ, уже не терпитъ никакихъ ограниченій своего разгула: въ Мелитополѣ громящіе хулиганы, встрѣтивъ кое-гдѣ сопротивленіе властей, стали бросаться на полицію и войска... Эта обоюдоострая сторона подобнаго «націонализма» является одной изъ причинъ, кладущихъ нѣкоторую грань между чистой системой черносотенныхъ кружковъ и методологіей оффиціальнаго реакціоннаго правительства. Однако возвратимся къ нашей «повѣсти временныхъ лѣтъ».

Избіеніемъ учащихся въ Новочеркасскѣ 21-го апрѣля окончилась, кажется, весенняя «практическая политика» реакціи. Она обращается затѣмъ на нѣкоторое время исключительно къ организаціонной и «просвѣтительной» дѣятельности: «Монарх. партія» еще въ апрѣлѣ, а «Союзъ р. л.» въ маѣ открываютъ свои провинціальныя отдѣленія, создаютъ связи. Въ то же время начинаются попытки и частичнаго объединенія; результаты ихъ проявились въ іюнѣ.

Знаменитый іюньскій адресъ и рѣчи передъ Царемъ земской депутаціи во главѣ съ кн. С. Н. Трубецкимъ (6-го іюня) вызываютъ уже отпоръ соединенной оппозиціи крайнихъ правыхъ. 14 іюня въ Москвѣ состоялось совмѣстное засѣданіе „Шереметьевскаго кружка“ и нѣкоего „Отечественнаго Союза“ **) съ участіемъ провинціальныхъ представителей. Здѣсь было рѣшено составить и послать контръ-

---

*) См. «Правда» 1905, май, стр. 305.

**) Это одинъ изъ безчисленныхъ патріотическихъ кружковъ, образовавшійся въ апрѣлѣ 1905 г. почти исключительно изъ высшихъ сановниковъ и аристократіи (гр. Бобринскій, К. Головинъ, Н. Хвостовъ и др.).

адресъ и контръ-депутацію во главѣ съ гр. Петр. Шереметьевымъ, гр. А. А. Бобринскимъ, сенаторомъ А. А. Нарышкинымъ и др. Поднесенный 21 іюня адресъ и рѣчи упомянутыхъ лицъ, вѣроятно, у многихъ еще на памяти; сущность ихъ сводилась къ требованію сословнаго начала при выборахъ, національнаго неравноправія, цѣлости самодержавія и, наконецъ, почетныхъ условій мира съ Японіей.

Одновременно (20-го іюня) съ подобнымъ же адресомъ и депутаціей выступило и Курское Дворянское Собраніе, предводимое своими знаменитыми „боярами".

Наконецъ, въ іюлѣ реакція уже окончательно вступаетъ на ту почву, которая становится затѣмъ ея постоянной специфической методологіей политическаго воздѣйствія не на однихъ евреевъ, а на все прогрессивное общество. 10 іюля 1905 г., во время ярмарки въ Нижнемъ былъ устроенъ первый обширный политическій погромъ и массовое избіеніе интеллигенціи и всѣхъ вообще „забастовщиковъ". Напомнимъ сущность происшедшаго словами телеграммъ самихъ „Моск. Вѣд.": „9-го іюля: на ярмарку начинаютъ стягиваться агитаторы и возбуждать народъ къ смутѣ и различнымъ безпорядкамъ. Уже начались сходки, на которыхъ говорятъ зажигательныя рѣчи". „10-го: вновь происходило собраніе демонстрантовъ". „Неизвѣстными лицами было произведено нѣсколько выстрѣловъ въ демонстрантовъ, причемъ былъ раненъ одинъ рабочій.... Начался дикій, безобразный самосудъ толпы".

Несмотря на послѣднюю терминологію „аристократической" газеты, у насъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, какъ откликнулась реакціонная печать на это событіе: оно было встрѣчено съ восторгомъ, особенно „демократическими" партіями реакціи (см. выше о „Русскомъ Дѣлѣ"). То же надо сказать и о Балашовскомъ побоищѣ, разразившемся 21 іюля: „здоровое" народное движеніе было открыто превознесено этой печатью.

Послѣ относительнаго затишья въ августѣ, съ осеннимъ оживленіемъ большихъ городовъ, начинаются вновь спорадическія проявленія черносотенной энергіи: то тамъ, то

здѣсь происходятъ отдѣльныя нападенія и расправы „чуекъ". Особенно въ Москвѣ, въ дни бурныхъ забастовокъ второй половины сентября (типографщиковъ, булочниковъ), эти столкновенія принимаютъ острый характеръ. Въ октябрѣ, съ возрастаніемъ правительственныхъ репрессій и общественнаго возбужденія, эти нападенія обращаются въ убійства; полиція потворствуетъ имъ, атмосфера становится все удушливѣе.....

Въ этомъ удушьи и родилось то единодушное возмущеніе всѣхъ прогрессивныхъ общественныхъ массъ, которое вылилось въ великую октябрьскую забастовку. Растерявшееся правительство поспѣшило уступить: манифестъ 17 октября и «либеральное» министерство гр. Витте должны были означать эту уступку. Для пониманія этого факта и, главное, послѣдовавшихъ за нимъ явленій реакціи, мы должны немного остановиться здѣсь на внутреннихъ отношеніяхъ той среды, которую мы ввели въ число реакціонныхъ силъ подъ именемъ «высшей правительственной бюрократіи».

Здѣсь борются за послѣднее десятилѣтіе два главныхъ бюрократическихъ теченія: буржуазно-самодержавное (Витте и его группа) и феодально-самодержавное (Горемыкинъ, П. Дурново, Игнатьевъ, Плеве, Побѣдоносцевъ и пр.). Первое, представленное болѣе способными и развитыми элементами «сферъ», стремится осуществить политическій компромиссъ между самодержавіемъ и властными требованіями буржуазнаго производственнаго прогресса страны, такъ какъ реалистично понимаетъ его неизбѣжность; оно хочетъ сдѣлать путемъ реформы то, что въ противномъ случаѣ все равно будетъ сдѣлано, но уже путемъ революціи. Второе, старо-правительственное теченіе, болѣе тупое и закорузлое, упорно стоитъ на прежней архаической позиціи дворянско-владѣльческой и полицейской государственности и отстаиваетъ возможно полное политическое и соціальное содержаніе этой системы, вопреки надвигающейся силѣ новыхъ производственныхъ условій. Очевидно, это различіе прежде всего въ степени буржуазности побужденій и міровоззрѣнія; но при современ-

ныхъ буржуазныхъ условіяхъ, въ которыхъ феодалъ, естественно, не оріентируется и выглядитъ смѣшнымъ, это есть вмѣстѣ съ тѣмъ и различіе въ трезвости, въ дѣловой практичности, въ «умѣ». Вотъ почему въ трудныя минуты государственной жизни правительственная знать, въ большинствѣ феодальная и рѣзко реакціонная, выдвигаетъ болѣе искусную буржуазную свою часть: вспомнимъ финансовый кризисъ государства 90-хъ годовъ, возвысившій Витте, вспомнимъ моментъ ликвидаціи японской войны, наконецъ — октябрьскую революцію. Конечно, все это дѣлалось по горькой необходимости: съ точки зрѣнія феодальныхъ интересовъ была гораздо благонадежнѣе другая группа; но ужъ очень она была неблагонадежна въ умственномъ отношеніи... И вотъ отсюда обычное явленіе политики послѣдняго періода самодержавія: во времена относительнаго «покоя», безмятежной чиновно - владѣльческой эксплоатаціи, правительство имѣетъ видъ чего - то цѣлостнаго, однороднаго; и его министерство и «сферы» дѣйствуютъ солидарно и рѣзко реакціонно: режимъ принимаетъ послѣдовательно - хищный характеръ. Когда же поднимается буря, кризисъ, когда благоденствіе верховъ подвергается опасности — на сцену выдвигается «либеральное» министерство, какъ болѣе политичное и ловкое; «сферы» же, реакціонное большинство, остаются за кулисами, сидятъ надъ его душой, контролируютъ, а тѣмъ временемъ часть ихъ, пользуясь выгодами полумрака, организуетъ общественныя реакціонныя силы.

Это именно и произошло въ половинѣ октября 1905 г., и лишь въ этомъ освѣщеніи будутъ понятны тѣ страшныя событія, которыя затѣмъ послѣдовали.

Манифестъ 17 окт. былъ точно сигналомъ реакціи. Немедленно вслѣдъ за нимъ страна была охвачена громаднымъ пожаромъ дикихъ погромовъ и убійствъ, неслыханныхъ по своей жестокости и разнузданности, возбудившихъ ужасъ и отвращеніе во всемъ культурномъ мірѣ. За одну недѣлю число убитыхъ, часто *растерзанныхъ*, дошло до 3000, раненыхъ и изувѣченныхъ до 10,000. Подробности этихъ расправъ, какъ въ Томскѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Ростовѣ—пред-

ставлялись бы прямо невѣроятными въ человѣческой средѣ, если бы не были самой дѣйствительностью.

Только теперь, на нѣкоторомъ разстояніи отъ этихъ событій стало возможнымъ объективное отношеніе къ нимъ, интересъ наблюдателя. А въ этихъ явленіяхъ было много интереснаго: и ихъ огромное распространеніе, и составъ дѣятелей и подозрительно-однообразныя формы дѣйствія— все невольно возбуждало вниманіе. Къ счастью, разоблаченія послѣдующаго времени ставятъ теперь изслѣдователя въ иное положеніе: вмѣсто области догадокъ, пытливаго анализа и прозрѣнія, онъ можетъ стоять теперь въ освѣщеніи событій на совершенно ясной и твердой позиціи. Погромы были подготовлены; и подготовлены нетолько идейно, долгимъ процессомъ литературной и изустной пропаганды, воспитанія, но и въ непосредственномъ, организаціонномъ смыслѣ. По прежнему нити этой организаціи сходились все въ томъ же главномъ центрѣ, въ группѣ правящей знати, въ тѣхъ самыхъ «сферахъ», которыя 17 октября спрятались за спиною показного либеральнаго министерства. Въ то время какъ это оффиціальное правительство хлопочетъ объ осуществленіи политическаго компромисса, о дворянско-буржуазно-бюрократической конституціи, властные реакціонные круги уже давно инспирируютъ и налаживаютъ практическую контръ-революцію, цѣль которой была—смести всякіе компромиссы, всякія уступки революціонному движенію. Непосредственная организація и руководство на мѣстахъ осуществлялись администраціей и полиціей, а также всевозможными служащими и вольными агентами. Затѣмъ во многихъ случаяхъ мы видимъ втянутыми въ активную роль при погромахъ и войска, особенно казачьи, при чемъ они дѣйствуютъ не всегда по приказу начальства, иногда даже вопреки ему. Отчасти это, конечно, результатъ долголѣтняго патріотическаго воспитанія и непосредственной пропаганды.

Но какъ въ этомъ частномъ случаѣ, такъ и въ истолкованіи всего этого движенія въ цѣломъ, мы должны имѣть въ виду и другія, болѣе общія его условія. Дѣло въ томъ, что однимъ указаніемъ на фактъ извѣстной подготовки,

воспитательной и непосредственно-организацiонной, объясненiе еще не доводится до конца. Надо объяснить именно, почему эта пропаганда, эта агитацiя такъ легко воспринималась, почему за вызовомъ шла толпа и притомъ опредѣленнаго состава: шла и дѣлала то дѣло, которое было лишь въ интересахъ ея поработителей? Правда, обыкновенно толпа была невелика и состояла, кромѣ самой полицiи и войскъ, преимущественно изъ такихъ элементовъ, о мотивахъ которыхъ такъ же не принято разсуждать, какъ о причинахъ злости голодныхъ собакъ. Но, во-первыхъ, роль lumpen'овъ, хотя и доминирующая, все же не была исключительной; а главное, это относится лишь къ извѣстной части толпы, участвующей въ погромѣ, къ ея боевому ядру; но контингентъ избивающихъ, травящихъ, грабящихъ и сочувственно охраняющихъ всю эту процедуру—обыкновенно гораздо шире. Вотъ объ этой-то толпѣ загонщиковъ и сочувствующихъ подсобниковъ въ погромахъ и идетъ рѣчь, когда мы хотимъ взглянуть на явленiе съ точки зрѣнiя его общественной обусловленности. Изъ кого состоитъ эта толпа? и почему она состоитъ именно изъ тѣхъ, а не иныхъ элементовъ?

На эти вопросы нельзя отвѣтить и простой ссылкой на maximum темноты, невѣжества этой толпы. Развѣ мы не видимъ здѣсь сплошь и рядомъ такiе элементы (напр., купечество), которые по грамотности, по уровню общаго образованiя стоятъ все же не на послѣдней ступени? и развѣ не видимъ, наоборотъ, слабую роль въ погромахъ мало развитыхъ массъ пролетарiата крупныхъ капиталистическихъ центровъ? Словомъ, дѣло тутъ не въ одномъ уровнѣ грамотности, общаго образованiя. Соцiальная осмысленность и трезвость, классовое сознанiе играютъ не меньшую роль; они же далеко не всегда пропорцiональны образованности, такъ какъ слагаются больше подъ влiянiемъ практической обстановки жизни, обыденныхъ впечатлѣнiй и чувствъ, а эти послѣднiя складываются различно въ разныхъ общественныхъ группахъ, въ зависимости отъ ихъ соцiальнаго положенiя въ обществѣ. Степень групповой сознательности есть, такимъ образомъ, явленiе соцiологи-

ческое и въ извѣстной мѣрѣ не опредѣляется прямо образованіемъ; послѣднее, напротивъ, само является отчасти зависимымъ отъ того же соціальнаго положенія, насколько съ послѣднимъ связана бо́льшая или меньшая концентрація массы, общительность и мѣстожительство (напр., большой городъ или, напротивъ, деревня). А если все это вѣрно, то и отвѣты на поставленные вопросы должны быть иного рода.

Кто, въ самомъ дѣлѣ, обычно составляетъ черносотенную толпу—ту толпу, которая идетъ сначала съ иконами и портретами въ патріотической манифестаціи, потомъ начинаетъ понемногу избивать встрѣчныхъ, а кончаетъ погромомъ евреевъ и интеллигенціи?

Кромѣ хулигановъ, это элементы, выдѣляемые средой мелкой собственности и промысла; здѣсь мы видимъ крючника, мясника, сидѣльца, трактирщика, лабазника, мелкаго купца, мѣщанина-собственника, ремесленника, иногда крестьянина-базарника—словомъ, весь тотъ соціально-промежуточный, разрозненно живущій людъ, который неподвижно прозябаетъ цѣлыми столѣтіями, все въ той же мелко-мѣщанской обстановкѣ жизни. Почему именно они являются наиболѣе воспріимчивыми къ этой роли?

О главной причинѣ этого мы уже говорили въ началѣ этой статьи: это ихъ соціальное положеніе, создающее подходящую для того психологію. Но мы все же нисколько не умаляемъ и значенія просто духовной темноты ихъ, общаго культурнаго уровня. Эта темнота имѣетъ, вѣдь, тоже свою психологію, которой удѣлимъ здѣсь нѣсколько словъ.

Непосредственность, отсутствіе анализа—такова главная черта этого сознанія. Поэтому „видимость", внѣшнія конкретныя формы явленій имѣютъ подавляющее значеніе въ его отношеніи къ нимъ. Старый режимъ, съ его ореоломъ давности и религіознаго священства, съ его помпой, импонирующимъ показнымъ величіемъ и напускной таинственностью—искусно представленъ предъ наивнымъ сознаніемъ въ видѣ конкретныхъ и блестящихъ образовъ; противоположное демократическое движеніе является

преимущественно въ видѣ болѣе или менѣе отвлеченныхъ принциповъ.*) Точно также: еврей и его конкурренція—непосредственный, видимый фактъ; давленіе крупнаго капитала и соціальныя причины бѣдноты—идея, которая, подобно пониманію косвеннаго налога, является лишь результатомъ уже относительно сложнаго и отвлеченнаго мышленія. Совершенно то же и въ его отношеніи къ демократичнымъ культурнымъ классамъ, къ „интеллигенціи“, бунтующимъ „барамъ“. Отличіе ихъ по внѣшнему виду, культурнымъ привычкамъ, по экономической состоятельности играетъ здѣсь выдающуюся роль. Они болѣе сыты, болѣе образованы, живутъ болѣе интересной и разнообразной жизнью—отсюда зависть, вражда. Но что ихъ политическія и соціальныя стремленія имѣютъ въ той или иной мѣрѣ альтруистичный характеръ, выгодны ему — это требуетъ сложнаго процесса мысли, политической сознательности. Онъ видитъ фактъ культурнаго различія, обиднаго ему; но опять: мысль о томъ, что для уравненія надо самому подняться культурно вверхъ—это довольно сложно и практически неосуществимо непосредственно; напротивъ принизить высшаго—избить, разгромить—и этимъ компенсировать обидное различіе—это проще и нагляднѣе. Какъ видимъ, его смутный несознанный демократизмъ нетолько не мѣшаетъ, но даже способствуетъ его враждѣ къ прогрессивной интеллигенціи.

Такова эта психологія темноты; повторяемъ, лишь комбинація ея съ соціальной неопредѣленностью выясняетъ намъ причины этой воспріимчивости нѣкоторыхъ слоевъ къ антидемократической пропагандѣ.

Хотя эти слои, поставляющіе старому режиму погромныя «сотни», существуютъ повсюду въ странѣ, но, разумѣется, въ разныхъ мѣстахъ не въ одинаковой мѣрѣ. Поэтому надо ожидать, что и соотвѣтствующія движенія должны были распредѣлиться по странѣ до нѣкоторой степени въ за-

*) Великая роль профессіональнаго движенія въ томъ и заключается, что оно конкретизируетъ смыслъ демократіи вообще, является подготовкой къ усвоенію ея общихъ принциповъ.

висимости отъ большей или меньшей численности мелкой буржуазіи въ данномъ районѣ, т.-е. отъ его экономическаго типа. Гдѣ болѣе сохранились массы мелкихъ городскихъ собственниковъ, весь вообще старый, захолустный укладъ экономической жизни—тамъ эти явленія должны были произойти съ особенной силой. Напротивъ, слабѣе должны были отозваться районы съ преобладающей крупной капиталистической индустріей, со свойственными ей новымм соціальными классами: это крупная, слѣдовательно, болѣе культурная буржуазія и пролетаріатъ, какъ промышленный, такъ и интеллигентный. Такъ оно и было въ дѣйствительности.

Мы имѣемъ въ печати лишь небольшой опытъ статистики революціонныхъ проявленій; это книжка г. Обнинскаго «Полгода русской революціи», гдѣ удѣлено мѣсто и матеріалу о погромахъ съ 1 окт. 1905 по 1 мая 1906 г. Разсматривая карту погромовъ, составленную по этимъ даннымъ, мы замѣтимъ въ ихъ распредѣленіи нѣкоторую закономѣрность.

Несмотря на то, что подавляющее число погромовъ было направлено противъ евреевъ, районъ погромовъ далеко не вполнѣ совпадаетъ границами съ райономъ еврейской осѣдлости. Напротивъ, значительная часть этого послѣдняго района оказалась задѣтой погромнымъ движеніемъ не въ большей мѣрѣ, чѣмъ остальныя мѣстности внѣ черты осѣдлости. Полоса maximum'а погромовъ занимаетъ лишь часть района осѣдлости—часть, довольно опредѣленную въ смыслѣ экономическаго типа. Эта полоса тянется съ крайняго юго-запада къ Смоленску. Всматриваясь въ мѣстности, ею покрываемыя, мы замѣтимъ слѣдующее. Полоса лежитъ какъ разъ въ промежуткѣ между границами двухъ промышленныхъ, капиталистическихъ районовъ: южнаго (Донецкаго) и западнаго (Польскаго). Этотъ промежутокъ и есть, стало быть, полоса преобладающаго мелкаго хозяйства въ городахъ и мѣстечкахъ, съ многочисленнымъ мѣщанскимъ населеніемъ этихъ городовъ, со слабымъ развитіемъ буржуазной культуры, концентраціи производителей и ихъ классовой сознательности, общественнаго смысла. Здѣсь же, напротивъ, весь строй хозяйства, вся обстановка

жизни мелкаго производителя ведетъ къ созданію той психологіи, о которой мы говорили, и тѣхъ явленій, которыя выростаютъ на ней.

Характерно, что тотъ же некапиталистическій юго-западъ далъ и наибольшій процентъ безпартійныхъ при выборахъ въ первую Думу, т.-е. обнаружилъ именно наибольшій недостатокъ у населенія общественной оріентировки, соціальной осмысленности; эти данныя о выборахъ читатель найдетъ въ той же книжкѣ г. Обнинскаго.

Но все это освѣщеніе вопроса никоимъ образомъ не должно оставить у читателя такое впечатлѣніе, что реакціи дѣйствительно удалось сформировать себѣ въ то время большія и активныя массы. Нѣтъ; мы хотѣли лишь объяснить фактъ, насколько онъ вообще имѣлъ мѣсто. Это совсѣмъ не означаетъ ни количественнаго, ни качественнаго преувеличенія его: величина толпы, сильно, впрочемъ, колебавшаяся по районамъ, была большею частью очень скромна,—иногда даже до неприличія, такъ какъ плохо закрывала дѣйствительныхъ иниціаторовъ; характеръ же вовлеченія массы былъ настолько непроченъ и не серьезенъ, что обыкновенно находился въ полной зависимости отъ наличности или вынужденнаго отсутствія другой пищи для общественнаго мышленія сѣрой публики.

Поэтому не будетъ никакого противорѣчія съ предыдущимъ, если мы закончимъ вновь указаніемъ: октябрьскіе погромы прошли подъ флагомъ преимущественно административно-полицейскихъ силъ режима, которымъ лишь помогали реакціонные кружки и партіи. Верхи этого руководства прятались, какъ мы знаемъ, въ кругахъ высшаго правительства *). Такъ какъ въ оффиціальномъ министерствѣ количественно преобладала буржуазная группа и оно было къ тому же связано своимъ оффиціальнымъ положеніемъ, черносотенное движеніе не могло встрѣтить въ немъ поддержки. Между двумя тенденціями—создать мирный компро-

*) Точныя данныя восходятъ пока до генер. Е. Богдановича, какъ высшаго центра той плеяды, которая, согласно запискѣ Львова, включаетъ въ себя до 103 крупн. администраторовъ.

миссъ, владѣльчески-бюрократическую конституцію — и, съ другой стороны, осуществить черную контръ-революцію — былъ неизбѣженъ конфликтъ.

Дѣйствительно, вслѣдъ за манифестомъ и погромами обнаруживается явный антагонизмъ этихъ двухъ теченій: вверху онъ выражается въ скрытой, глухой борьбѣ внутри правительственной бюрократіи, въ безнадежныхъ попыткахъ министерства стать однороднымъ и самостоятельнымъ; а ниже — въ борьбѣ этого министерства съ реакціонными партіями. Эти послѣднія, увѣренныя въ могущественной поддержкѣ, со свойственной имъ развязностью вступаютъ въ борьбу съ министерствомъ Витте. Въ многочисленныхъ черносотенныхъ листкахъ и газетахъ раздается площадная брань и угрозы по адресу премьера, и, наконецъ, на одномъ ноябрьскомъ митингѣ и въ одной изъ прокламацій обсуждается вопросъ объ его убійствѣ... Начались преслѣдованія этихъ неожиданныхъ революціонеровъ — преслѣдованія нерѣшительныя, двуличныя, практически безплодныя: за противниками стояли такія лица, передъ которыми былъ безсиленъ министръ-президентъ...

Мало того: какъ выяснило послѣдующее время — и преслѣдованіе и поддержка исходили, по ироніи судьбы, изъ центровъ, существовавшихъ рядомъ, въ одномъ и томъ же министерствѣ вн. дѣлъ *).

Въ концѣ концовъ, оффиціальное правительство потерпѣло неудачу на обоихъ театрахъ войны: ему не удалось завоевать самостоятельность, избавиться отъ фальшиваго положенія; напротивъ, оно все больше подпадало подъ власть того министра, который былъ „вселенъ" въ него реакціонной камарильей. Съ другой стороны, и реакціонныя партіи вышли изъ борьбы съ „жидовствующимъ" правительствомъ почти невредимыми.

Но былъ другой фактъ, который дѣйствовалъ на нихъ угнетающе: это политическая безплодность октябрьскихъ погромовъ. При всей своей силѣ и ши-

---

*) Мы имѣемъ въ виду разоблаченія кн. Урусова и письмо Лопухина.

ротѣ, они не измѣнили политическаго положенія, не реализовались ни въ какомъ государственномъ контръ-переворотѣ. Они пронеслись надъ страной, какъ чудовищный ураганъ, много разрушили и истребили, но... не оставили никакого реакціоннаго пріобрѣтенія, прочнаго слѣда. Одна изъ причинъ этого казалась ясной: это неорганизованность самихъ вдохновителей, случайность и безсистемность ихъ „работы". Въ кровавой оргіи полиціи и черныхъ сотенъ онѣ, партіи, участвовали лишь спорадически, отдѣльными кружками и лицами. Не было организующаго и руководящаго центра, не было созидательныхъ силъ для политическаго использованія результатовъ „черной" работы. Выводъ отсюда для будущаго ясенъ; и партіи принимаются за дальнѣйшую организаціонную работу.

Уже въ концѣ октября въ Петербургѣ основывается новая реакціонная партія —„Союзъ русскаго народа" съ программой, разсчитанной на болѣе широкое объединеніе реакціонныхъ слоевъ, чѣмъ это было въ существовавшихъ до того времени партіяхъ („Монарх. партія" и „Союзъ русск. люд."); въ ноябрѣ основывается „Всероссійскій союзъ землевладѣльцевъ". Въ провинціи же, на „мѣстахъ", владѣльцы-реакціонеры чувствуютъ себя еще смѣлѣе. Дворянство спускается тамъ въ самую „гущу" народной массы, неся въ нее свою политическую пропаганду. Особенно курское дворянство энергично отозвалось на эту основную потребность реакціи: вовлечь въ свои интересы темныя массы захолустья. Послѣ 17 окт. оно становится во главѣ т. н. „Курской народной партіи" и осуществляетъ правильную массовую пропаганду путемъ печати и собраній. „По чьему зову мы здѣсь собрались"?— спрашиваетъ на митингѣ курскихъ черносотенцевъ мелкій подрядчикъ, мѣщанинъ Сушковъ: „инціатива принадлежитъ истинно-русскимъ боярамъ съ губ. предводителемъ дворянства во главѣ". Примѣру курскаго дворянства слѣдуютъ тульское, орловское и др. Но еще важнѣе и характернѣе для момента было другое явленіе: въ томъ же ноябрѣ, по иниціативѣ „Монарх. партіи" дѣлается первая попытка объединить въ общій союзъ всѣ реакціонныя партіи

и группы. Въ результатѣ, въ 20-хъ числахъ ноября возникаетъ временная объединяющая организація — „Всенародный Русскій Союзъ“ съ постояннымъ Совѣтомъ во главѣ. Учрежденіе было временнымъ, такъ какъ точныя условія объединенія, общая платформа, еще не были выработаны въ разсчетѣ на будущій всероссійскій съѣздъ.

Но, какъ ни важны были эти попытки—онѣ все же были лишь урокомъ, продиктованнымъ неудачей, и не измѣняли общаго неблагопріятнаго положенія. А ближайшее послѣдствіе этой неудачи, усиленіе демократическаго движенія, еще болѣе ухудшило положеніе реакціи. Дѣйствительно, наступившій сорокадневный дивертисментъ свободы развилъ необычайно широкую устную и печатную прогрессивную пропаганду, вовлекъ огромныя массы населенія и сильно поднялъ шансы демократіи. Рабочая пропаганда, впервые выступившая легально и широко—особенно же въ профессіональныхъ союзахъ—сильно задѣла сознаніе темныхъ слоевъ, увидѣвшихъ, къ своему удивленію, въ нѣкогда опасныхъ и ненавистныхъ „крамольникахъ“ просто борцовъ за рабочіе интересы, интересы очень близкіе и понятные даже самому темному человѣку: черныя сотни начали таять... Партіи встревожились... надо было что-то дѣлать, поднять свой престижъ, оживить реакціонныя чувства. И вотъ дѣлается попытка: устроить на 6 декабря въ Москвѣ, на Красной площади всенародное торжество, долженствовавшее превратиться въ грандіозную демонстрацію реакціонныхъ силъ. Попытка, естественно, не удалась: народа собралось мало, манифестація вышла блѣдной и жалкой, погромъ же совсѣмъ не состоялся... Мы говоримъ: естественно не удалась—потому что было рано, въ ушахъ массы еще звучала трезвая, возбуждавшая умъ демократическая пропаганда.

Въ декабрьскіе дни на авансцену реакціи выступаетъ вооруженное правительство. Оно дѣйствуетъ такъ энергично, что содѣйствіе реакціонныхъ партій становится фактически излишнимъ. Онѣ остались безъ дѣла и, обезсилѣвшія людьми, на нѣкоторое время замерли.

Только съ января 1906 г., съ прекращеніемъ правительственной бойни, вновь начинаютъ шевелиться реакціонеры.

30-го января открывается московскій отдѣлъ „Союза русскаго народа“ и партія сложилась окончательно *). Въ виду ея доминирующаго значенія въ реакціи послѣдующаго времени мы должны сказать нѣсколько словъ о ея характерѣ.

Имѣя въ виду обрисованные ранѣе типы двухъ первыхъ реакціонныхъ партій, эту третью лучше всего можно характеризовать, какъ срединную, компромиссную между ними. Въ своихъ задачахъ она соединяетъ въ одно цѣлое народно-демагогичныя нормы „Союза русскихъ людей“ съ явно старовладѣльческими и полицейскими стремленіями „Монархич. партіи“ („Моск. Вѣд.“). Такъ, въ ея аграрной программѣ читаемъ: „Вслѣдствіе недостаточности казенныхъ земель для удовлетворенія земельной нужды всей малоземельной части крестьянства, Союзъ будетъ добиваться покупки для той же цѣли за счетъ государства у частныхъ владѣльцевъ добровольно продаваемыхъ ими земель; продажи пріобрѣтенныхъ за сч. госуд. земель нуждающимся въ ней малозем. крестьянамъ по цѣнамъ, доступнымъ для крестьянъ, съ принятіемъ, въ случаѣ надобности, разницы между цѣной, по которой земля пріобрѣтена отъ частно-владѣльцевъ, и цѣной, по которой она будетъ предоставлена крестьянамъ, на счетъ общихъ государственныхъ средствъ“. Знакомые хищные аппетиты поземельнаго класса выглядятъ здѣсь вполнѣ ясно. Нѣчто подобное обѣщаетъ партія и степенному россійскому предпринимателю; ибо спасеніе отечественной промышленности Союзъ видитъ въ томъ, чтобы „вызвать притокъ государственныхъ капиталовъ на арену борьбы русскихъ предпринимателей съ еврейскими и иностранными“.

При всемъ томъ и по характеру текущей пропаганды и отчасти по составу партія имѣетъ тенденцію быть болѣе демократичной, чѣмъ, напр., „Монархическая“: „Кто мы?“— спрашиваетъ одинъ изъ ораторовъ на II всеросс. съѣздѣ

---

*) Напомнимъ нѣкоторыя имена: А. Дубровинъ, Пурышкевичъ, Никольскій, Булацель, Гагаринъ и пр.

„русскаго народа“ (10 апр.):—„простые обыватели; между нами нѣтъ людей, держащихъ перуны въ своихъ рукахъ. Нѣтъ въ рядахъ нашихъ ни предводителей, ни предсѣдателей, ни управителей, хоть и не мало собралось насъ здѣсь. Мы всѣ ни надъ какими общественными группами или учрежденіями не владычествуемъ, всѣ мы—рядовые на разныхъ поприщахъ дѣятельности“ *). О той же демократичности должна говорить и вражда Союза къ бюрократіи; но и здѣсь партія занимаетъ среднее положеніе между прежними, такъ какъ ненависть ея относится болѣе къ „жидовствующей“, буржуазной бюрократіи, чѣмъ къ бюрократіи вообще. Во всемъ остальномъ Союзъ очень близокъ къ Шараповской идеологіи, при чемъ въ ея развитіи доходитъ до такого утрированія, что положительно дискредитируетъ свои мозговыя средства. Такъ, юдофобское изступленіе доводитъ его до проекта образовать особое палестинское государство съ цѣлью скорѣйшаго выселенія евреевъ; до этого же времени предлагается ни больше, ни меньше, какъ признать ихъ „иностранцами“, но „безъ правъ и привиллегій послѣднихъ“. Не менѣе дикой по своему безграничному невѣжеству, является позиція партіи въ вопросахъ финансовой политики, гдѣ „Союзъ будетъ добиваться увеличенія количества денежныхъ знаковъ путемъ уничтоженія золотой валюты и введенія національнаго кредитнаго рубля“ и т. д.

«Союзъ русскаго народа», при компромиссномъ характерѣ своей платформы, втянулъ въ себя многочисленные мелкіе кружки и союзы. Среди нихъ имѣются такія «демократическія» группы, какъ уже знакомое намъ «общество хоругвеносцевъ» и, съ другой стороны, такія чисто владѣльческія, какъ «Союзъ землевладѣльцевъ».

Описанной партіей «С. р. н.» оканчивается нашъ анализъ основныхъ партійныхъ типовъ реакціи. Мы должны только упомянуть еще объ одномъ, но уже низшемъ типѣ ея: это объ уличной полухулиганской прессѣ и случайной кружковой организаціи собственно «*черныхъ сотенъ*». Если

*) „Русск. знамя“ № 103, 1906.

представить себѣ точку зрѣнія, съ которой всѣ вышеописанныя идеологическія выраженія и организаціи представлялись бы еще чѣмъ-то относительно культурнымъ, академическимъ, то въ такомъ случаѣ вульгаризаціей ихъ являются уличная черносотенная пропаганда и организаціи. Черныя сотни—это группы общественныхъ подонковъ, руководимыя полиціей и дѣльцами партій; это-толпы безъ опредѣленной и постоянной «идейной» организаціи, объединяющіяся болѣе или менѣе случайно для непосредственнаго насилія, безъ осмысленной принципіальной подкладки дѣйствій. Неспособныя къ самостоятельному идейному творчеству, онѣ отчасти пропитываются, конечно, понятіями, вышедшими изъ среды реакціонныхъ партій, ихъ «солидныхъ» органовъ; но и отсюда до нихъ доходятъ лишь идейные обрывки и упрощенные «лозунги», разумѣется, тѣ, которые наиболѣе подходятъ къ уровню пониманія и примитивнымъ побужденіямъ самыхъ темныхъ общественныхъ отбросовъ. Черныя сотни—это vulgus реакціи, ея грубая сила и средство, почти всегда подкупленныя, въ лучшемъ случаѣ ловко натравленныя. Методъ ихъ—это своего рода истинно-русская «практическая политика»: кулаки, нагайки, ножи. Имъ не до высшей политики, не до программъ и всякой умственности: они люди дѣла. Правда, они имѣютъ свою печать: но ея языкъ и ея интересы ясно говорятъ о томъ, что задачи здѣсь—отнюдь не идеологическія, не принципіальныя; агитація въ подонкахъ ея единственная цѣль. Такова ихъ періодическая печать, этотъ «День» Берга, «Вѣче», «Медвѣдь» и пр.; она полна площадной брани, погромно-кровожадныхъ призывовъ и самаго невѣроятнаго, язычески-дикаго религіознаго изувѣрства. *) Такова и непеpіодическая печать—прокламаціи, образецъ которыхъ нами уже приводился ранѣе.

---

1) Такъ, „Вѣче“ серьезно повѣствуетъ о таинственномъ „кровавомъ туманѣ“ на могилѣ Баумана; священникъ-корреспондентъ пишетъ о видѣнномъ имъ огненномъ крестѣ на небѣ и пр. Съ другой стороны, едва ли когда печатныя страницы видѣли такую непристойную терминологію, какъ это имѣетъ мѣсто въ подобныхъ „газетахъ“.

Послѣ декабрьскаго правительственнаго террора первыми оживаютъ, естественно, реакціонеры. Уже 4-го янв. 1906 мы видимъ съѣздъ уѣздныхъ и губернскихъ предводителей дворянства за выработкой помѣщичьихъ принциповъ рѣшенія аграрнаго вопроса Но въ то же время съѣздъ выражаетъ твердыя надежды на будущую Думу и требуетъ, какъ мы видѣли, даже свободы выборовъ. Дума представлялась ему въ то время чѣмъ-то безобиднымъ и мирнымъ, противоположнымъ революціи и борьбѣ; она должна была предотвратить всѣ опасности, особенно аграрныя, и какимъ-то чудомъ успокоить всѣхъ, не давъ никому ничего. Дворянство очевидно, искренно вѣрило той давней патріотической пропагандѣ, въ глазахъ которой вся смута, кризисъ есть дѣло «ничтожной кучки революціонеровъ», а не преобладающихъ по массѣ и культурѣ общественныхъ слоевъ, которые неизбѣжно овладѣютъ и Думой.

Съ выступленіемъ на арену дѣятельности «Союза р. н.» и съ приближеніемъ срока выборовъ, организація и сосредоточеніе реакціонныхъ партійныхъ силъ еще усиливаются. Это привело къ I всероссійскому съѣзду русскихъ людей 8—11 февр. подъ фирмой Русскаго Собранія. Съѣздъ носилъ какъ бы учредительный характеръ въ дѣлѣ общаго объединенія реакціонеровъ. Онъ опредѣлилъ платформу соглашенія, организацію будущихъ общихъ съѣздовъ и формы союзничества на мѣстахъ; вопросы политики были отложены до слѣдующаго съѣзда. Непосредственно вслѣдъ за этимъ съѣздомъ (12-го февр.), въ виду общности нѣкоторыхъ делегатовъ, состоялся и 2-ой съѣздъ «Союза землевладѣльцевъ», посвященный все тому же аграрному вопросу.

Несмотря на всѣ предвыборныя приготовленія и повсемѣстную энергичную поддержку администраціи во время выборной кампаніи, исходъ ея былъ въ высшей степени неудаченъ для реакціонеровъ: имъ не удалось провести въ Думу ни одного партійнаго кандидата. Это наглядно показало лишній разъ то, что было высказано нами и раньше: ненародный, узко-сектантскій характеръ подобныхъ партій.

Естественно, что результаты выборовъ очень не нравились реакціонерамъ. Ихъ принципіальное предубѣжденіе

противъ законодательной и безсословной Думы сразу обостряется, какъ только они остались внѣ ея. Поэтому еще до созыва опредѣлившейся Думы они пытаются ее дискредитировать. Однимъ изъ первыхъ постановленій II-го всероссійскаго съѣзда, созваннаго Всенароднымъ Русскимъ Союзомъ 6-12 апрѣля, было слѣдующее: «Гос. Дума въ томъ ея составѣ, который опредѣлился выборами, не можетъ быть признана выразительницей истинныхъ убѣжденій русскаго народа». Точно также, предложивъ рядъ крайнихъ ограничительныхъ мѣръ противъ евреевъ, съѣздъ призналъ необходимымъ «вопросъ о равноправіи евреевъ изъ вѣдѣнія Гос. Думы изъять».

Весь послѣдующій, думскій періодъ нашей революціи былъ временемъ усиленной антидумской и антиконституціонной пропаганды реакціонеровъ. Смѣна правительства, замѣщеніе ненавистнаго Витте «прямымъ и честнымъ Иваномъ Логгиновичемъ Горемыкинымъ» («Русское Знамя»), выступившимъ со всѣмъ реакціоннымъ правительствомъ также противъ Думы, оживило ихъ надежды. Вмѣсто прежней оппозиціи и борьбы съ правительствомъ, они тяготѣютъ къ союзу съ нимъ. Тѣмъ болѣе разнузданный и откровенный характеръ принимаетъ ихъ кампанія противъ Думы и противъ самыхъ основаній новой конституціи.

Уже Всероссійскій Съѣздъ объединеннаго дворянства 22 мая открыто выступаетъ противъ „законодательной" Думы съ критикой ея принципа „принудительнаго отчужденія". Оставленный съѣздомъ Совѣтъ пошелъ дальше: онъ тайно домогается передъ правительствомъ роспуска Думы и измѣненія избирательнаго закона. Наконецъ, развязные публицисты реакціонныхъ партій уже безъ всякаго стѣсненія осыпаютъ бранью народныхъ представителей и открыто требуютъ разгона „мятежной" Думы *). И несмотря на явную нелегальность подобной пропаганды, она нетолько терпится «конституціоннымъ» правительствомъ, но и прямо поощряет-

*) Наиболѣе далеко пошли желанія у «Монархической партіи», что вполнѣ согласуется съ данной выше ея характеристикой. Такъ, общее собраніе «Мон. п.» 8 августа 1906 г. постановило: «Распущенную Госуд. Думу слѣдовало бы теперь же навсегда упразднить».

ся. Сотни черносотенныхъ телеграммъ съ явно дерзкими, противозаконными требованіями безнаказанно сыплются на Высочайшее имя, на имя предсѣдателя совѣта министровъ и другихъ правит. лицъ. Мало того: эти телеграммы и даже уставъ «Союза р. нар.» печатаются въ «Правит. Вѣстникѣ»... Позиція правительства стала ясна. Оправившись отъ ударовъ революціи, подавивъ ее оружіемъ, оно дѣлало то, что хотѣло. Между оффиціальнымъ министерствомъ и сферами не было уже никакого разлада, но зато между стремленіями ихъ всѣхъ и созданнымъ въ минуту опасности компромиссомъ существовалъ несомнѣнный разладъ—и притомъ настолько рѣзкій, что никакъ не укладывался въ рамки даже внѣшней оффиціальной законности. И правительство открыто идетъ противъ этой казенной законности, попираетъ, съ оружіемъ въ рукахъ, имъ же созданныя нормы. Никогда въ нашей исторіи не проявлялся такъ наглядно, на глазахъ такихъ широкихъ массъ общества этотъ узко-групповой, хищно-эгоистичный характеръ русскаго правительства, не стѣсняющагося никакими, даже формальными приличіями, разъ дѣло идетъ о защитѣ его политической власти и феодально-владѣльческой эксплоатаціи! *).

Лѣто 1906 года было временемъ, такъ сказать оффиціальной черносотенности. Оно сильно оживило, подняло на ноги всю тину общества, также какъ и сформированныя административно-полицейскія черныя сотни. Погромъ въ Бѣлостокѣ 3-го іюня былъ яркимъ выраженіемъ этого оживленія: ни въ одномъ изъ прежнихъ погромовъ не играли такой выдающейся роли в о й с к а и п о л и ц і я, и въ немногихъ было поэтому такое количество жертвъ.

Къ концу думскаго періода аггрессивность реакціонныхъ партій въ отношеніи къ Думѣ усиливается. 7-го іюля Совѣтъ „Всенар. русск. союза" констатируетъ «бездарность» состава Думы, «неспособность» ея «къ самостоятельной

*) Только во времена Николая I. находимъ мы слабыя аналогіи такого прямого игнорированія правительствомъ своихъ собственныхъ законовъ: это приводимые проф. Ключевскимъ факты утайки, кражи старыхъ указовъ при ихъ кодификаціи, когда эти указы казались невыгодными (вводили мелкія ограниченія въ крѣпостномъ правѣ). См. „Записки лекцій" 1883 г.

производительной и осмысленной работѣ» и вызывающе заявляетъ: «члены Думы совершаютъ гнусную игру словами, называя себя народными представителями... У русскаго народа одинъ только представитель и радѣтель о его благѣ — Государь Императоръ... Всенар. русск. союзъ надѣется, что правительство окажется въ силѣ возстановить порядокъ въ странѣ, не обращая вниманія на всѣ крики тѣхъ людей, которымъ на руку нынѣшній безпорядокъ»...

На слѣдующій день, 8-го іюля, былъ подписанъ указъ о роспускѣ Думы...

Это coup d'état еще болѣе развязало руки и языки реакціонерамъ. Они окончательно увидѣли въ правительствѣ родную себѣ силу и выступили на первый планъ. Нѣкоторое время могло даже казаться, что эти невѣжественныя, погромныя шайки стали правительственной партіей. Увѣренные въ негласномъ покровительствѣ тайнаго «чернаго» правительства, они становятся дерзкими даже въ отношеніи къ оффиціальнымъ лицамъ и администраціи. Вожди Союза безцеремонно предъявляютъ оффиціальныя требованія и дѣлаютъ выговоры губернаторамъ, если находятъ, что они недостаточно содѣйствуютъ союзникамъ; и губернаторы спѣшатъ оправдаться и исправить ошибки. Изъ далекой Бессарабіи союзники требуютъ удаленія ярославскаго архіепископа, не принявшаго мѣстной депутаціи истинно-русскихъ; требованіе посылается безнаказанно телеграммой на Высоч. имя.

Той же участи не миновали и министры. Одного изъ нихъ (Кауфмана) они требуютъ преданія суду за попытки сдѣлать ничтожныя облегченія евреямъ въ учебномъ неравноправіи. Другому предъявляютъ грозный запросъ о дѣлѣ его вѣдомства, такъ какъ даже его заподозрили въ недостаткѣ охранительной энергіи. И оба министра спѣшатъ дать любезныя разъясненія путемъ печати и удовлетворить по возможности своихъ новыхъ повелителей. Съѣздъ „Союза русск. нар." въ началѣ сентября вырабатываетъ какую-то записку съ 21 положеніемъ „не подлежащими опубликованію", и подаетъ ее министру внутреннихъ дѣлъ; записка принимается. Тульскій отдѣлъ вступается за двухъ казаковъ, само-

вольно совершившихъ дикую нагаечную расправу съ учителемъ; посылается телеграмма на Высоч. имя, и казаки помилованы; въ честь ихъ устраивается на мѣстѣ цѣлое торжество, они получаютъ награду. Этотъ перечень фактовъ можно было бы значительно продолжить...

Но, какъ и раньше, дѣло не ограничивается одной агитаціей. 18 іюля Герценштейнъ падаетъ отъ руки убійцы, нанятаго черносотенной „каморрой", состоящей въ связи нетолько съ соотвѣтствующей уличной печатью, но и съ „Союзомъ р. н.". 26—28 августа разыгрывается кровавый погромъ въ Сѣдлецѣ, выполненный уже почти исключительно войсками и полиціей. Одновременно Союзъ кое-гдѣ организуетъ свои боевыя дружины—обыкновенно, наемныя; съѣздъ предсѣдателей отдѣловъ 26 авг.—1 сент. дѣлаетъ эту мѣру общей для всѣхъ своихъ организацій. И въ отдѣльныхъ мѣстахъ дружины уже дѣйствуютъ: Одесса давно терроризована ими, и даже мѣстный городской голова и градоначальникъ Григорьевъ, придерживающійся политическаго нейтралитета, являются мишенью ихъ угрозъ и смертныхъ приговоровъ. А за кулисами всего этого—подметныя письма, хулиганскія прокламаціи и какія-то таинственныя передвиженія казенныхъ суммъ къ кассамъ союзниковъ.

Въ такой атмосферѣ торжествующей наглости собирается III Всеросс. съѣздъ „русскихъ людей" въ Кіевѣ въ первыхъ числахъ октября. Онъ отразилъ на себѣ всю самоувѣренность и безцеремонность, какую чувствуютъ въ себѣ союзники при новомъ политическомъ положеніи. Съѣздъ началъ съ того, что, помолившись, разослалъ телеграммы: Государю, Столыпину, прокурору Синода и англійскому королю (Германскій императоръ удостоился этой чести еще раньше). Не всѣ эти телеграммы были дружественны; не говоря уже объ иностранцахъ, и Синодъ получилъ при этомъ строгій выговоръ за утрированно широкое толкованіе принципа христіанской любви въ его призывѣ къ умиротворенію. И послѣдующія сцены съѣзда, ярко отразившія психологію всѣхъ этихъ чуекъ, медвѣжьихъ помѣщичьихъ шубъ и почаевскихъ клобуковъ, лишній разъ выяснили культурному обществу, что это за люди.

Изъ результатовъ съѣзда упомянемъ о завершеніи имъ общаго объединенія всѣхъ реакціонныхъ политическихъ организацій. И въ центрахъ, и на мѣстахъ онѣ имѣютъ общіе органы—«управы», состоящія изъ выборныхъ всѣхъ отдѣльныхъ кружковъ и партій мѣстности. Центральной объединяющей организаціей является «главная управа объединеннаго русскаго союза» изъ двухъ членовъ (Дубровинъ, кн. Шаховской *) и предсѣдателя (протоіер. Іоаннъ Восторговъ). Такъ закончилось объединеніе, начатое еще въ ноябрѣ 1905 г. Однако обратимся къ послѣдующему политическому положенію.

Правительство Столыпина, несмотря на заявленную имъ «внѣпартійность», открыто пошло на встрѣчу истинно-русскимъ людямъ. Оно обмѣнивается любезными телеграммами съ ихъ съѣздомъ, принимаетъ ихъ депутаціи и отдѣльныхъ дѣльцовъ, обѣщаетъ поддержку. Entente cordiale доходитъ до того, что союзники, недовольные медлительностью правительства, открыто требуютъ отъ главы министерства исполненія данныхъ обѣщаній (см. «Русское Знамя», окт.), касающихся уже самаго существованія конституціи. Эта связь правительства съ партіей, основная политическая цѣль которой есть ниспроверженіе конституціи 17 окт. и «Основныхъ законовъ», является не случайной. Дѣло въ томъ, что по своему общественному типу кабинетъ, выражающій обычныя стремленія реакціоннаго правительственнаго большинства, очень близокъ къ истинно-русской позиціи; только совершенно внѣшнія неудобства не позволяютъ ему открыто проявить это. Фактически же вся правительственная политика послѣ Думы есть не что иное, какъ казенный варіантъ истинно-русской методологіи: она почти цѣликомъ продиктована ему этими партіями, особенно же той ихъ владѣльческой частью, которая представлена «Союзомъ землевладѣльцевъ» и Совѣтомъ объединенныхъ дворянскихъ обществъ. Вотъ краткій перечень этихъ источниковъ правительственной политики послѣднихъ мѣсяцевъ:

1) Роспускъ Думы былъ продиктованъ правительству, помимо многихъ болѣе или менѣе косвенныхъ домогательствъ,

*) По сообщенію «Новаго Времени».

настояніями упомянутаго Совѣта и приведеннымъ постановленіемъ «Всенароднаго русскаго союза» 7-го іюля.

2) Увеличеніе стражниковъ и отдача ихъ въ распоряженіе помѣщиковъ было отвѣтомъ на цѣлый рядъ постановленій съѣздовъ землевладѣльцевъ, дворянъ и реакціонныхъ земскихъ собраній.

3) Военно-полевые суды были потребованы также рядомъ истинно-русскихъ владѣльческихъ организацій, начиная со съѣзда «Союза землевладѣльцевъ» 17 ноября 1905 г.

4) Упраздненіе общины и ничтожныя до смѣшного попытки юридическаго «раскрѣпощенія» крестьянъ были рекомендованы Совѣтомъ того же союза въ его запискѣ отъ 23 дек. 1905 г., при довольно любопытной мотивировкѣ: помѣщики хотѣли этимъ созданіемъ мелкой собственности, укрѣпить въ крестьянствѣ чувство уваженія къ собственности вообще (т. е. къ помѣщичьей).

5) Аграрная политика кабинета цѣликомъ повторяетъ резолюціи владѣльческихъ съѣздовъ, начиная съ записки Совѣта союза землевл. отъ 11 окт. 1905 г.

6) Нарушеніе избирательныхъ правъ населенія, плохо замаскированное сенатскими «разъясненіями», явилось результатомъ упорныхъ домогательствъ владѣльческихъ организацій, особенно же Совѣта объединенныхъ дворянскихъ обществъ и провинціальныхъ землевладѣльч. союзовъ (см. выше о югозап. краѣ).

7) Наконецъ, даже программа по еврейскому вопросу, опубликованная 14 ноября, составлена подъ сильнѣйшимъ давленіемъ истинно-русскихъ. Всѣ обѣщаемыя реформы сводятся къ облегченіямъ въ предѣлахъ черты осѣдлости, причемъ стремленіе считаться съ «общественнымъ» теченіемъ въ лицѣ реакціонеровъ такъ велико, что все сообщеніе носитъ характеръ пробнаго шара... Но особенно замѣчательны прямыя доказательства собственнаго антисемитизма правительства, предательски проскользнувшія въ томъ же оффиціальномъ сообщеніи: «Еврейство, мечтающее нетолько о политическомъ равноправіи, но и политическомъ преобладаніи»...—подобныя фразы точно прямо взяты со страницъ истинно-русской и хулигански—черносотенной прессы...

Самый же законъ, даже въ указанныхъ казенныхъ рамкахъ не изданъ и до настоящаго времени (до половины декабря).

Мы перечислили почти все существенное въ дѣятельности министерства Столыпина. Такое министерство, естественно, создало и общій режимъ и всю обстановку передъ вторыми выборами въ интересахъ родственныхъ себѣ общественныхъ слоевъ. Чтобы дать имъ перевѣсъ на выборахъ, оно стало расчищать ихъ путь просто насильственнымъ устраненіемъ съ арены борьбы всѣхъ конкурентовъ. Съ этою цѣлью дѣлалось все, на что только была способна изобрѣтательность и неразборчивая методологія истинно-русскаго правительства. Внѣдумское законодательство, далеко не обладавшее признакомъ „неотложности" (см. требованіе 87 ст. „Основн. законовъ"), было разсчитано частью на выгодный сбытъ дворянскихъ земель, частью на популяризацію правительства передъ новыми выборами. Административное сокращеніе избирательныхъ правъ, произведенное сенатомъ, а затѣмъ и по-просту товарищемъ министра вн. дѣлъ, означало уже переходъ къ болѣе „жесткимъ" мѣрамъ, къ насильственному устраненію нежелательныхъ этому правительству группъ населенія. Далѣе, система „легализаціи" партій и связанная съ ней административная практика въ отношеніи къ партійной пропагандѣ были еще ближе къ цѣли: онѣ были направлены противъ нежелательныхъ партій.

Наконецъ, въ послѣднее время ломка избирательной техники, вопреки закону (охранявшему чистоту бюллетеней), имѣетъ цѣлью затруднить самый актъ подачи голоса оппозиціоннымъ избирателямъ. Если прибавить ко всему этому общеадминистративную практику режима, воскресившую времена стараго самодержавія съ его отожествленіемъ понятій „противоправительственнаго" и „противозаконнаго"— то получится яркая картина этой истинно-русской конституціи, воспроизводящей, впрочемъ, старое конституціонное шарлатанство Запада, въ родѣ французскаго при Наполеонѣ III или болгарскаго 80-хъ годовъ.

Но все это становится вполнѣ понятнымъ лишь на томъ основномъ фонѣ общественной жизни, который опредѣлился

къ осени 1906 года. Это было время утомленія активныхъ революціонныхъ массъ, время паденія общественной энергіи и политической вѣры. Революція, та массовая революція, которая пробила первыя бреши въ застоявшейся системѣ политической и соціальной эксплоатаціи населенія и внесла свои новыя творческія начала, затихла; а утративъ прежній массовый характеръ, оказавшись въ рукахъ лишь ничтожнаго меньшинства, наиболѣе боевыхъ и экспансивныхъ кружковъ; она стала замѣтно выраждаться въ анархическіе и просто уголовные эксцессы. Это, конечно, было немедленно использовано консервативной и реакціонной пропагандой. Ссылаясь на эти отбросы революціи, на эти симптомы ея отсутствія, охранители старались дискредитировать самую революцію и не безъ успѣха возстановляли противъ нея промежуточные и колеблющіеся элементы общества, бывшіе въ періодъ Sturm und Drang'а „умѣренно-либеральными". Таковы группы, представленныя раньше партіями „Правового порядка" и „Торгово-промышленной", которыя теперь окончательно ударились въ настоящую реакцію. Та же тенденція сильно сказалась и у „Союза 17 октября", какъ это обнаружилось на его съѣздѣ 5 ноября. Союзъ принялъ явно черную окраску и, сохранивъ одно лишь конституціонное названіе да внѣшнюю „видимость", фактически превратился уже въ союзъ противъ 17 окт. *).

Такимъ образомъ, въ наступившій мрачный періодъ общественной подавленности, когда одно вооруженное правительство проявляло свою специфическую энергію въ покоренной странѣ, всѣ эти межеумочныя партіи начинаютъ явно тяготѣть къ истинно-русскимъ. Ибо въ этой пустынѣ „легализированныхъ" партій только они представляли извѣст-

*) Для большаго безпристрастія приведемъ такого свидѣтеля, какъ истинно-русскій г. Шараповъ: «Партія 17 окт., чисто конституціонная по внѣшности, собрала вокругъ своего знамени людей, которымъ въ сущности—что жъ тутъ скрывать?—конституціонные и парламентарные принципы вовсе не дороги» («Русск. дѣло» № 45, 1906 г.). Словомъ, про «Союзъ» можно сказать то же, что годъ тому назадъ сказалъ Н. А. Хомяковъ о черносотенномъ дворянствѣ: «Мы теперь конституціоналисты по Высочайшему повелѣнію».

ную цѣльность и послѣдовательность, а главное, благодаря своей „демократичности", вульгарно-демагогическому типу могли разсчитывать, при данныхъ административныхъ условіяхъ въ странѣ, на привлеченіе къ себѣ нѣкоторой массы. И совершенно такъ, какъ въ нихъ издавна съ удобствомъ устроились владѣльческіе союзы дикихъ помѣщиковъ, туда же потянулись и „союзы" дикой буржуазіи, этихъ всевозможныхъ „степенствъ" и „чумазыхъ" торговаго и отсталого промышленнаго міра.

Описываемый періодъ сталъ поэтому временемъ господства въ легальной пропагандѣ реакціонныхъ силъ. Въ ноябрѣ мы видимъ оживленіе обѣихъ формъ этой реакціи—чисто владѣльческой и партійной. Правда, „Союзъ землевладѣльцевъ" былъ въ это время уже въ полномъ упадкѣ *). Но сословная организація черезъ „уполномоченныхъ", взамѣнъ бывшихъ съѣздовъ предводителей, находилась въ полномъ расцвѣтѣ силъ. 14—17 ноября состоялся 2-ой „Всероссійскій съѣздъ" этихъ уполномоченныхъ отъ 31 губернскаго дворянскаго общества и выборныхъ отъ дворянства тѣхъ окраинъ, гдѣ оно не было организовано.

Мы уже объясняли въ своемъ мѣстѣ смыслъ этой организаціи: она носила чисто политическій характеръ и должна была правильно выразить стремленіе класса въ политикѣ, вмѣсто представительства черезъ случайныхъ въ этой роли предводителей. И надо отдать полную справедливость организаторамъ: болѣе яркаго выраженія реакціонной сущности дворянства нельзя было и ожидать. Умѣренный, тактичный консерватизмъ предводителей смѣнился такимъ „голосомъ земли", передъ которымъ даже благонамѣренность г. Шарапова, дѣлавшаго на съѣздѣ докладъ, оказалась недостаточной...

---

*) Непрочность подобныхъ владѣльческихъ организацій вполнѣ понятна: имъ просто нечего дѣлать. Никакой творческой работы не можетъ быть у реакціоннаго, вымирающаго класса. Прозаическая же охранительная работа гораздо лучше выполняется вооруженнымъ правительствомъ: неизбѣжно малочисленный владѣльческій союзъ, какъ общественная, массовая сила, не имѣетъ значенія; это, конечно, чувствуютъ и сами участники—чувствуютъ и легко мирятся съ упадкомъ организаціи.

Цѣль съѣзда была въ высокой степени прозаична: требовать немедленнаго измѣненія избирательнаго закона, „невыгоднаго дворянству". Въ какомъ направленіи требовались измѣненія—понятно само собой. Попутно выражено сочувствіе мѣрамъ дворянства противъ также невыгодныхъ—а потому и „безчестныхъ"—членовъ сословія, подписавшихъ злосчастное воззваніе. Эпическая простота подобной постановки сословныхъ задачъ во всякомъ случаѣ знаменательна. Шутовская комедія какого-то внѣклассоваго значенія дворянства, этого „первенствующаго" сословія, „голоса земли" и пр.—наконецъ, не выдерживается и самимъ дворянствомъ: грубый и хищный „интересъ" открыто выступаетъ мотивомъ дѣйствій. Только г. Шараповъ, со свойственной ему поэтичностью продувного льстеца, нѣсколько нарушилъ эту выдержанность стиля на съѣздѣ. Въ своемъ докладѣ собранію онъ пустился въ такую старую бутафорію, которая теперь, передъ этими людьми, была похожа просто на издѣвательство надъ ними: „Весь смыслъ нашего бытія есть служеніе Русскому народу и государству, лишенное всякаго оттѣнка сословнаго или классоваго эгоизма. Интересовъ дворянства, какъ таковаго, не существуетъ; но именно поэтому нашъ голосъ можетъ и долженъ являться выразителемъ мнѣнія всей земли русской". Рѣчь эта, по словамъ „Русскаго Дѣла" (№ 46), была покрыта продолжительными... рукоплесканіями. Однако предложеніе автора—не требовать измѣненія избират. закона—не было принято собраніемъ, „лишеннымъ всякаго оттѣнка сословнаго или классоваго эгоизма"...

И партійная дѣятельность реакціи сильно оживилась въ это время, благодаря созданной правительствомъ благопріятной обстановкѣ. Во главѣ этихъ партій стоялъ „Союзъ русскаго народа". Онъ раскинулъ въ это время значительную сѣть провинціальныхъ отдѣловъ, завелъ нѣсколько десятковъ газетъ и журналовъ; въ его рукахъ появились довольно значительныя денежныя средства самаго подозрительнаго происхожденія. Силы союзниковъ во всякомъ случаѣ возросли абсолютно; но каково стало ихъ относительное значеніе—объ этомъ, конечно, совершенно

нельзя судить при данныхъ формахъ политической „свободы"... Значительной демонстраціей этихъ силъ былъ митингъ 26 ноября въ Михайловскомъ манежѣ и послѣдовавшая за нимъ уличная манифестація. Они привлекли, повидимому, отъ 7 до 15 тыс. участниковъ и любопытныхъ. Это, конечно, довольно жалкая величина въ сравненіи съ демонстраціей либерализма—на похоронахъ кн. С. Трубецкого—или соціалистовъ на похоронахъ Баумана въ окт. 1905 г. Но для данныхъ партій, по существу противонародныхъ, и приведенная цифра является очень высокой.

Впрочемъ, съ той точки зрѣнія на партійную реакцію, которая нами развивалась, этотъ „успѣхъ" не представляетъ ничего страннаго, неожиданнаго. Нѣкоторая почва для подобной пропаганды у насъ несомнѣнно существуетъ, и объективная противонародность еще не означаетъ, какъ мы видѣли, полной непосредственной безуспѣшности пропаганды, особенно при такихъ исключительныхъ условіяхъ, созданныхъ дружественнымъ правительствомъ. Въ извѣстныхъ слояхъ населенія эта крупновладѣльческая идеологія феодаловъ, переряженная въ демократическій костюмъ, еще можетъ встрѣчать сочувствіе. И составъ публики 26 ноября былъ именно тотъ, который наиболѣе понятенъ здѣсь: по словамъ газетъ, преобладающая масса состояла изъ дворниковъ, торговцевъ Сѣнного рынка и „постоянныхъ обитателей улицъ", какъ деликатно выражается „Свобода и жизнь".

Заканчивая на этомъ обзоръ нашей реакціи, формулируемъ основную точку зрѣнія на это движеніе.

Всѣ идейныя нормы реакціоннаго міровоззрѣнія понятны подъ однимъ угломъ зрѣнія: это владѣльческая идеологія класса, господствовавшаго въ обстановкѣ полу-натуральнаго, раздробленнаго хозяйства мелкихъ производителей. Таковы ея принципы: „самодержавіе" (политическая нетерпимость), эта государственная форма помѣщичьей эксплоатаціи; „православіе" (религіозная нетерпимость), какъ духовное орудіе самодержавія; наконецъ, „народность" (національная нетерпимость), какъ способъ борьбы помѣщика съ

буржуазнымъ космополитизмомъ и строемъ свободной конкуренціи, опаснымъ для его архаическаго хозяйства. Сюда же относятся и такія характерныя особенности міровоззрѣнія, какъ оперированіе исключительно съ понятіемъ „сословія", а не „класса", и отсутствіе во всѣхъ реакціонныхъ программахъ нормъ по соціальному вопросу, какъ чуждому для поземельнаго класса въ отсталомъ хозяйствѣ.

Итакъ, съ одной стороны, отовсюду здѣсь глядитъ прозаическій интересъ помѣщика-феодала. Съ другой стороны, во всѣхъ этихъ нормахъ звучитъ одна общая нота, которая наиболѣе способна найти отзвукъ и въ другихъ, невладѣльческихъ слояхъ, но лишь въ средѣ того же примитивнаго экономическаго типа. Это — нетернимость (политическая, религіозная, національная), съ чѣмъ отождествляется „патріотизмъ" реакціи. Только этой стороной пропаганды она еще дѣйствуетъ на извѣстную массу, ухитряется вовлечь ее въ интересы, чуждые ей по существу. Почему же находитъ откликъ такой лейтъ-мотивъ? Именно потому, что обращенъ къ слоямъ раздробленнаго труда и промысла, всегда наиболѣе неосмысленнымъ въ новой обстановкѣ буржуазной культуры. Они платятся за это тѣмъ, что оказываются въ лагерѣ своихъ же эксплоататоровъ. Таково великое историческое недоразумѣніе, представляющее въ то же время вполнѣ закономѣрный фактъ.

В. Мечъ.

Борьба общественныхъ силъ въ русской революціи.

1. **В. Мечъ.** Силы реакціи. Цѣна 45 к.
2. **Череванинъ.** Пролетаріатъ.
3. **Вл. Горнъ.** (ред.). Крестьянство.
4. **В. Мечъ.** Либерально-демократическая буржуазія.
5. **Вл. Горнъ.** Общій ходъ революціи.

Складъ изданій: при кн. маг. „Сотрудникъ Провинціи“ (Г. А. Іовенко). М. Бронная, уг. Тверского бульв., д. № 1.

Типо-лит. РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА. Москва.
Тел. 18-35 и 53-98.